

P29p
C37

Альфред
СИМОНОВ

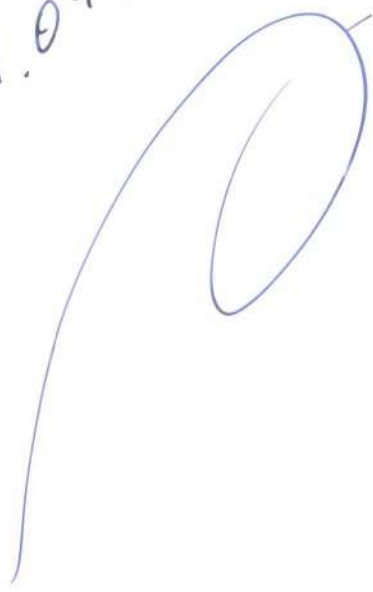
**СВЯТОЙ
ИЗ
РУССКОЙ
АТЛАНТИДЫ**

~~10 баб~~
1-18 ур.

Результат

11.04.2018

10291
С.37

Альфред Симонов

0-215577-1

**СВЯТОЙ
ИЗ
РУССКОЙ
АТЛАНТИДЫ**

ПОВЕСТЬ

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

Ярославль
ИНДИГО
2018

УДК 351.746.1

ББК 86.372

С 37

Симонов А. Н.

С 37 Святой из русской Атлантиды. Повесть. – Ярославль: ИПК «Индиго», 2018. – 108 с., ил.

«Святой из русской Атлантиды» – двенадцатая книга ярославского писателя Альфреда Симонова.

В форме увлекательного повествования автор рассказывает о судьбе священномученика Николая Любомудрова, батюшки из села Лацкое Мологского уезда Ярославской губернии (ныне – Некоузского района Ярославской области), принявшего смерть во имя Веры.

И ещё о том, как, знакомясь с этой судьбой, наши современники открывают для себя истинную цену служения народу.

ББК 86.372

Художник
Наталья Овсиенко

ISBN 978-5-91722-331-5

© Симонов А. Н., 2018

© ИПК «Индиго», 2018

*Посвящается моему отцу –
фронтовику
Николаю Сергеевичу Симонову
и матери –
Зое Дмитриевне Симоновой,
уроженке села Никольского
Мологского уезда...*

***Автор благодарит
Юрия Евгеньевича Гунина
за помощь
в издании этой книги***

От автора

Эта книга задумывалась как детская и писалась в расчёте на детское восприятие. Но после того как я поставил точку и перечитал написанное, с удивлением обнаружил, что у меня получилась книга для подростков, задумывающихся, «делать жизнь с кого?». И даже для взрослых, тех, кому безразлична судьба Родины.

Герои, которые должны были, по моей задумке, стать всего лишь «фоном» для главного персонажа – священномученика Николая Любомудрова, незаметно для автора зажили полноценной жизнью на страницах повести. И по зрелому размышлению я понял, что это не случайно. Потому что, как я ни пытался ограничить своё произведение рамками темы и времени, современность настойчиво проникала в первоначальную сюжетную линию.

Да и могло ли быть иначе?

Фигура Николая Любомудрова, скромного сельского священника, совершившего подвиг во имя Веры, тоже вышла за пределы села Лацкое и стала значимой частью истории Русской православной церкви, да и всей нашей страны тоже. Молитвы таких, как он – подвижников Веры, помогали нашему народу выстоять и победить в Великой Отечественной войне. Они и сегодня помогают нам выстоять и победить.

Когда я работал над этой повестью, у меня неожиданно возникла идея возведения в Калининграде, бывшем Кёнигсберге, Храма Победы. По моей задумке этот Храм должен стать ответом народа России на чёрную неблагодарность правительств восточно-европейских стран, отдающих распоряжения на снос памятников советским воинам, тем, кто ценой огромных потерь освободил Европу от фашизма.

Но возведение Храма в Калининграде – пока только идея, которая, я надеюсь, когда-нибудь воплотится в реальность. А пока, закончив работу над этой книгой, я посетил Яковлевско-Благовещенский храм в Ярославле, где хранятся мощи священномученика Николая Любомудрова. И долго стоял перед иконой с его изображением. Но вместо успокоения почувствовал какое-то неудовлетворение тем, что сделал. И лишь когда уходил, понял, в чём дело.

Поэтому, вернувшись домой, я начал писать новую повесть о Николае Любомудрове, теперь уже точно – для детей. И написал её.

Вскоре и она будет издана. Но это будет уже совсем другая книга.

Альфред Симонов

Глава I

Отец у Кольки был редкий бродяга. У него, как и у большинства взрослых, имелась постоянная работа, а вернее служба – он носил погоны, на которых тускло светились по две крупные звёздочки на каждом, – подполковник, значит. В общем-то, человеком он был оседлым. В будние дни он каждое утро садился в военный джип и уезжал в свою воинскую часть, находившуюся где-то за городом, посреди соснового леса. Но в редкие свободные дни или во время коротких отпусков вся военная амуниция убиралась в шкаф, а пистолет – в сейф. И тогда отца дома было не удержать: что бы ему ни говорили, какие бы доводы ни приводили, всё равно он куда-нибудь ехал. Или шёл.

Эта привычка у него была с детства. Лет в пять он пешком отправился в своё первое самостоятельное путешествие – к тётке Кате на другой конец города. Шёл он с вполне определённой целью – там его всегда угощали вкусными конфетами в блестящих обёртках. И не какими-нибудь карамельками, а настоящими, шоколадными. Дома, честно говоря, такие конфеты водились редко.

Самое удивительное, что он туда дошёл, найдя правильную дорогу, получил от тёти Кати за храбрость конфеты, причём целую коробку, после чего был отведён домой, где, стиснув зубы, отведал отцовского ремня. Было не то чтобы больно, но обидно. Но отцовский аргумент в виде ремня твёрдо убедил его, что уходить из дома без спроса нельзя.

После этого случая Колькин дедушка в шутку прозвал отца Скифом. Пересилив обиду и поглядывая на убранный в сторону ремень, отец поинтересовался, что это значит. Дед охотно пояснил:

– Скифы – это такие племена, что когда-то давно жили на просторах Руси. Мы, славяне, от них ведём свой род, так утверждают некоторые историки и литераторы. Даже поэт Александр Блок написал в одном из своих стихотворений чеканную, достойную бронзы строчку: «Да, скифы мы, да, азиаты мы, с раскосыми и жадными очами!».

Несколько повзрослев, отец вспомнил дедову фразу и решил, что насчёт раскосых и жадных очей поэт, конечно, немного преувеличил, но решил не придирааться, поскольку это всё же стихотворение, а там подобное допускается. И очи у нас не у всех раскосые, и народ мы, в общем-то, не жадный. Можем поделиться с другими народами и тем, что самим нужно. Вот, например, когда-то отдали так просто Крым Украине. А насчёт того, что мы можем быть их потомками, – вполне реальная вещь. Скифы, по свидетельству историков, действительно были настоящими бродягами – кочевниками. Их следы в виде курганов находят и в жарких просторных степях Крыма, и в прохладных горах и долинах Алтая. И многие из них ещё не исследованы и продолжают хранить свои тайны.

Если посмотреть на карту, можно понять, какие это большие расстояния! Даже для нашей огромной страны. На поезде ехать из конца в конец дня три-четыре, и самолётом лететь часов пять. А они весь этот путь ногами протопали да на конях проскакали, уже тогда определяя будущие границы нарождающегося русского государства. Как писал Н. В. Гоголь в своей знаменитой пьесе «Ревизор»: «Хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь».

Шутливое прозвище так к отцу Кольки и прилипло. Даже в студенческие годы друзья по привычке называли его Скифом. Правда, когда он вырос из студенческих джинсов, то чудесным образом превратился в товарища подполковника или, вне службы, в Валентина Николаевича, и Скиф постепенно забылся. Но тяга к «перемене мест», как назвал желание постоянно двигаться Александр Сергеевич Пушкин, у него осталась.

Когда Колька чуть подрос, он поневоле стал постоянным спутником отца в его путешествиях, в отличие от матери, которая не любила уезжать из дома и предпочитала ухаживать за цветами на даче. За последние три года отец с сыном побывали и на Валдае, и на Соловках, и даже на Белом озере, где когда-то княжил варяг Синеус вместе с братьями Рюриком и Трувором, якобы приглашёнными на Русь, чтобы порядок навести. «Велика наша земля и обильна, только порядка в ней нет», – говорилось в древних летописях. А где нет порядка – нет и жизни нормальной. Ну и посчитали, что только за морем можно найти умных да искусных правителей. Дескать, у себя таких нет. Старое заблуждение.

Старались варяги, как умели, наводя порядок – где мечом, где уговором, а где и подкупом. Да только толку было чуть. В конце концов какой-никакой порядок пришлось наводить самим русским князьям.

Все поездки отца с сыном заранее обсуждались и планировались, но однажды произошло невероятное событие: тёплым воскресным утром отец разбудил сына очень рано и сказал, что сегодня они поедут в самое интересное путешествие на свете.

– А куда? – протирая глаза, спросил мальчик, зевая во весь рот.

– А поедем мы, сынок, куда глаза глядят! У тебя, вижу, глаза уже глядят. Готов? Тогда – быстро!

– Как это? – не понял Колька. Он привык, что отец – очень организованный человек, любивший во всём порядок и определённую структуру, – всегда знал, куда идти или ехать и, главное, зачем. А здесь – «куда глаза глядят».

«Лично у меня глаза глядят на кафе, – подумал он, соскакивая с кровати. – Съесть мороженое, потом посмотреть в кино какой-нибудь ужастик про инопланетное нашествие и вернуться домой к обеду», – но вслух он, конечно, этого не произнёс.

– Ну, собирайся! Выходим через 10 минут, – сказал отец.

Колька, вообще-то, был лёгок на подъём: весь в отца. Поэтому оделся быстро, и вскоре они уже ехали на речной вок-

зал, где сели на белое, как парадная форма морского офицера, судёнышко и поплыли до того места, которое им понравится.

Так они решили.

Они проплыли мимо нескольких пристаней, похожих на плавучие деревенские домики, но всё им было не так: то леса нет, то одни дачи и дачники, то какие-то обрывы и купаться негде. В общем, вышли они на берег лишь тогда, когда судёнышко подошло к крайней точке своего маршрута и выбирать стало не из чего.

Они вышли на просторный волжский берег, поросший кое-где редкой ярко-зелёной травой. Трава эта, видно, питалась одной водой да воздухом, поскольку кругом не было и намёка на землю: только песок – светлый, мелкий и искристый. В самый раз поваляться на нем и позагорать. Тем более что Волга в тот день прогрелась и стала тёплой и ласковой и вся светилась от радостного солнца. Они искупались, потом лежали на тёплом мягком песочке, а потом, обсохнув и сбросив с себя не отставшие песчинки, оделись и пошли обследовать территорию.

Неподалёку от берега были беспорядочно разбросаны домики какого-то села, название которого они не удосужились прочитать на пристани. А вдаль, на горе, белел старинный монастырь, похожий больше на грозную крепость, чем на место, где живут и молятся самые мирные люди на земле – монахи. Но Колька знал, что монахи тоже бывали разными. В учебнике по истории он читал про монаха-воина Пересвета, победившего монгольского богатыря Челубея в поединке перед началом Куликовской битвы. А это, как Колька понимал, было непросто. Ведь, по преданию, Челубей победил в трёхстах поединках.

– Смотри-ка, Колька, – глядя на монастырские стены, сказал отец. – Четыре сотни лет минуло, а у бойниц ещё подтёки смолы видны. Эту крепость поляки осаждали в период Смутного времени. Крепка смола, да и народ русский крепок был!

– Пап, – спросил Колька, вглядываясь в очертания старинной крепости-монастыря, – а почему столько нашествий

было на Русь? Вот ты сам рассказывал: сначала немцы и шведы, которых разбил Александр Невский, потом татары, потом поляки и ещё кто-то. Как же люди-то жили? Всё время войны!

– Так и жили, – улыбнулся отец. – Учились и землю пахать, и мечом махать. Есть такая поговорка, кажется римская: «Хочешь мира – готовься к войне». Или на латыни – «Пара пасем – пара беллум». Даже пистолет так называли – парабеллум. Серьёзное оружие.

– А ты его, этот парабеллум, видел?

– Видел. В музее боевой техники. У нас в воинской части. Я тебе как-нибудь покажу.

– Не забудь!

– А ты напомни. А нападали на нас по разным причинам. Изучай историю, в учебниках всё написано.

За разговором они поднялись на гору, где стоял монастырь. Вокруг простиралось ровное поле со скошенной травой, которая уже превратилась в сено. А само сено кое-где было уложено в большие стога. Около одного из таких стогов путники и решили отдохнуть. Отец расстегнул свой рюкзачок и достал немудрящую еду: большой термос с чаем, буханку чёрного хлеба и ломоть колбасы. Оба порядком проголодались после купания и чувствовали, что подкрепиться будет совсем не лишним.

Отец начал резать хлеб, когда над головами послышался звук авиационного двигателя. Колька поднял голову. На поле планировал небольшой самолётик, раскрашенный в разные цвета.

– Ишь ты, как сквозь радугу пролетел, – улыбнулся отец, – перепачкался.

– Разве радуга пачкается? – не понял юмора Колька.

– Да нет, конечно. Это я пошутил.. Чего это он? Вынужденная посадка, что ли? Не расшибся бы!

Самолётик коснулся колёсами земли и, немного пробежав по полю, остановился как раз напротив места, где собирались подкрепиться путники. Из кабины самолёта, не

торопясь, вылез пожилой лётчик в потёртом кожаном шлеме военного образца.

– У вас всё в порядке? – крикнул ему отец.

– Нормально. Просто керосин кончился. Не рассчитал малость и чуть не угробился. Надо подзаправиться, – спокойно ответил лётчик, оглядываясь по сторонам.

– В монастыре керосин вряд ли есть, – сказал отец, с любопытством разглядывая воздушного виртуоза. Посадка в чистом поле, где колдобины и ямки, – дело нештучное.

– Да у меня две канистры с собой. Сейчас залью бак. Без проблем.

Судя по тому, как ловко управлялся со своей железной птицей пилот, за плечами у него была целая жизнь в небе. И, несмотря на почтенный возраст, он ещё не налетался, а воздушный океан был к нему приветлив и приглашал поплавать ещё и ещё. Счастливый человек.

Лётчик, закончив с заправкой, подсел к путешественникам. Видно было, что ему надоел монотонный шум двигателя, с которым можно было общаться только путём монолога, и он не против был поговорить с живыми людьми.

– Что, наскучили небожители, на землю потянуло? – с улыбкой спросил лётчика Валентин Николаевич, протягивая ему бутерброд с колбасой.

– Благодарю, – ответил лётчик, – съем с удовольствием. Проголодался изрядно, а с собой ничего не взял. Думал, быстро управлюсь, а не вышло – пришлось полетать.

– А вы как, для собственного удовольствия летаете или по делу? Вижу, что самолёт у вас хоть и хороший, но, судя по всему, списанный из какой-нибудь учебной лётной части.

– Почти угадали. Только не списанный. На списанных не летают. А эта машина – что надо! Чешская! Я заказ выполнял, облетал газопровод. Двести километров в один конец, двести – в другой. По всем данным, где-то утечка или врезка незаконная. Такие врезки – вещь нередкая. Воруют, одним словом. А ведь там и загореться может, и взорваться. Дело опасное.

– Нашли?

– Ну, фирма веников не вяжет. Я же воздушной разведкой в армии занимался. Кой-какие навыки сохранились. Сейчас после моего полёта туда бригада выедет, разберутся, что к чему.

– И частенько так летать приходится?

– Нет, не очень. Работаю-то я инструктором в аэроклубе. Учу молодёжь. А это так, попросили.

– А не проще ли было по земле проверить?

– Нет, сверху виднее. Вообще, Ярославль в смысле авиации – знаменитый город, – продолжил он. – Даже первая женщина-космонавт – Терешкова Валя – наша! У нас ещё в Первую мировую были героини-лётчицы, когда только во всём мире летать начинали. Наш город крылатый! А ярославцы – они такие: захотят – и на доске полетят.

– Ну, Первая мировая почти забыта и историками, и людьми. Век прошёл. Это уже как Бородинское сражение для молодых, – заметил отец Кольки.

– И тем не менее своих героев мы помним. Наш ярославец – Ефимов его фамилия – четыре Георгиевских креста получил в Первую мировую за победы в воздушных сражениях. Настоящий был ас. Полный Георгиевский кавалер! Это, почитай, как Герой России. Таких и в стране немного было. Вот, например, Георгий Жуков. Во Вторую мировую войну он стал великим полководцем, а в Первую мировую был великим солдатом.

– А с асом-то этим что стало? – поинтересовался Валентин Николаевич. – Первый раз о нём слышу.

– Сложная биография. После революции повоевал в белой армии и в Красной, гонял по пустыне басмачей в 20-х годах. А потом уехал на родину в Ярославль. Дожил до 92 лет. Работал простым рабочим, и никто не знал о его подвигах.

– Удивительно. Да, мало мы знаем о нашей истории. Очень мало.

– Жизнь – вещь суетливая, – рассудительно сказал лётчик. – Я вот – счастливый человек. Жизнь вижу сверху, а там – как в песне: «Мне сверху видно всё». Я всю страну видел с высоты. Такие просторы – дух захватывает. Но вот беда – всю-

ду маковки церковей сбиты, особенно в сельской местности. В городах-то церкви восстанавливают, а на селе люди живут бедно, где у них деньги на ремонт? Не скоро ещё всё приведут в порядок, ой, не скоро. А наши церкви – это украшение земли. Без них она как поле без цветов.

– Да, ломать – не строить, – усмехнулся Колькин отец.

– Сегодня полетал немного над Рыбинским морем, – продолжил лётчик. – Сейчас мелко, воды в этом году мало. Даже фундаменты домов затопленных сёл и города Мологи видно.

Лётчик внезапно замолчал, а затем, поднявшись на ноги, спросил:

– Моего чайку хотите? У меня в термосе чай на травах. Усталость хорошо снимает. В Херсонесе одна бабка научила заваривать. Я у неё комнату снимал. Всё подешевле, чем в гостинице.

– В Херсонесе? Херсоне, наверное?

– Да нет. Это же Севастополь – бывший Херсонес Таврический. Не бывали там?

– Нет, не довелось.

– Побывайте. Там начало всему! Оттуда пришло православие на Русь. Не было бы православия – не было бы и нашего государства. Вот лечу сегодня и думаю. Такое расстояние прошло по русской земле православие – уму непостижимо, и везде расставило, как часовых, храмы.

Лётчик налил всем ароматного чая из красного термоса в пластмассовые стаканчики, прогибающиеся под пальцами. И все опять с удвоенной силой стали уминать бутерброды с колбасой. А колбаса так аппетитно пахла, что все окрестные мухи, казалось, слетелись на запах, надеясь, что и им что-нибудь перепадёт.

Подкрепившись, лётчик попрощался со своими случайными знакомыми, взобрался в кабину самолёта и улетел. У него было ещё много дел в небе.

А отец с сыном, помахав на прощание лётчику, не торопясь пошли к монастырю. Но массивные ворота были закрыты, и внутрь они не попали. Но всё же походили немного

вокруг, полюбовались мощными стенами и башнями, на которых кое-где действительно виднелись чёрные следы от того душа, который устроили здесь защитники незваным гостям в 1612 году. Да, дело-то давнишнее, а следы остались. И не исчезают никуда, ничем не ототрёшь. Да и не надо! Пусть напоминают о славном прошлом.

Они уже собирались вернуться на пристань, но неожиданно заметили щуплого мужчину в красной футболке с надписью «СССР» и в трусах до колен (из тех, что называют семейными), несущего какой-то груз. Когда он подошёл поближе, стало понятно, почему он шествует в таком виде: свои брюки он использовал как мешок, который тащил на спине, обливаясь потом. Что было закономерно, поскольку солнце старательно пыталось согреть нашу холодноватую землю за короткое лето.

Подойдя к путникам, мужчина свалил свой брюки-мешок с плеч и, обращаясь к отцу, спросил, вытирая ладонью пот со лба:

– Водички нет ли? Измаялся.

– Отец молча достал из рюкзака термос и налил в колпачок чаю. Мужичок мелкими глотками стал прихлёбывать горячий напиток, что, как говорят на Востоке, уравнивает температуру снаружи и внутри. Новый знакомец, видно, ждал вопросов, почему он в таком виде, и готов был поделиться своей бедой, но вопросов так и не дождался. Отец, чему-то улыбаясь, молчал, упаковывая термос в рюкзак, ну а Кольке было не с руки вмешиваться в дела взрослых. Тогда мужик, допив чай и отдав колпачок от термоса отцу, сел около Кольки и сказал:

– Уф, ну и дела. На пароход-то могут и не пустить в таком виде. А бросить всё, что насобирал, жалко.

– Наверняка не пустят, – поддержал его отец. – А что нашёл? Клад золотой?

– Понимаешь, – охотно начал рассказывать странный человек без брюк, – попал я тут в переделку. Был я у родственника в селе. Тот возьми да и скажи, что вон в том перелеске –

мужик махнул рукой – полно грибов. Я и пошёл. И точно. Всё в грибах! И каких! Молоденькие, ядрёные – сначала боровички, потом белые пошли. А куда их девать? Корзинку-то я у родственника не взял. Но не оставлять же. Я же чокнутый грибник, не могу не собирать грибы, когда они есть. Никогда бы себе такого не простил. Вот и пришлось брюки снять, завязать концы узлом и сделать мешок. Зато все собрал. Ничего не оставил.

– Ну, и как вы теперь поедете? Да и по городу в таком виде сложно пройти будет. За сумасшедшего примут.

– Да понимаю я! А что делать-то? Может, у вас какой пакет есть? – с надеждой спросил грибник. По всему было видно, что жадность бедолаги перевешивала его чувство неловкости за свой дурацкий вид.

– Пакет есть. Только маленький он, из-под колбасы. Ну, с десяток грибов туда влезут, а остальные? Ладно, не отчаивайтесь, может, на пристани кто-нибудь вас выручит.

– Да, проблема... Вот ведь влип – нарочно не придумаешь.

– Есть идея, – тихо сказал отец.

– Ну?

Отнесите всё в монастырь. Монахи и спасибо скажут, и помолятся за вас. Тогда домой вернётесь с лёгкой душой и без тяжести на спине. Да и в приличном виде, что немаловажно...

– Так жалко же!

– Ну, что-нибудь с собой возьмёте, самых отборных на жарёху. Пакетик я вам дам. А там насобираете ещё и засушите, лето длинное.

– И то правда, – чуть подумав, ответил грибник. – Решено, отдам в монастырь. Может, пара грехов простится. Вы там не были, внутри-то?

– Нет, двери закрыты. А стучать мы не стали – чего зря людей булгачить. У нас же там никаких дел нет, просто праздное любопытство.

– Ну, что – попробуем? Теперь вроде как и повод есть, – предложил грибник. Отец легко согласился, но мужичок вдруг смутился:

– Только я лучше сначала в сторонке постою, а то что же я в таком виде появлюсь перед монахами. Неловко.

– И то правда, давайте свой мешок. Я им грибы отдам, а брюки вам принесу обратно.

Они пересыпали часть грибов в пакетик, и отец, взвалив мешок из брюк на плечо, подошёл к воротам монастыря. Обнаружив кнопку звонка, он нажал на неё.

Грибы были благополучно сданы. В знак благодарности монахи пригласили дарителей отобедать, и хоть путники ещё не проголодались, из любопытства они всё же прошли в трапезную. По дороге высокий, в чёрных одеяниях монах, удовлетворив их любопытство, в нескольких словах поведал им историю монастыря.

Грибник, кстати, освободившись от ноши своей и надев брюки, стал похож на нормального человека. Но от трапезы отказался, так как спешил попасть на пароход. Попрошавшись, он бегом направился к пристани.

А путники никуда не торопились. Да и зачем было торопиться в такой денёк – солнечный, для счастья и радости. Отцу с сыном хотелось, чтобы этот день длился как можно дольше.

После обеда, состоявшего из рыбного супчика на первое и рыбной котлеты с пюре на второе, монах предложил им пройти в храм. Путешественники охотно согласились, поскольку следующего парохода оставалось не менее полутора часов, а времени у них было с избытком.

В храме шла служба. В зале было прохладно и сумрачно. И от этого казалось, что тонкие узкие листики огоньков свечек пытаются как-то разбавить светом темноту. Кольке, который в церковь попал второй раз в жизни, стало немного не по себе от этой обстановки. Чтобы отвлечься, он начал прислушиваться к голосу священника и попытался понять, о чём тот говорит, но уразумел только два слова – Господь и Бог. Эти слова мальчик понимал хорошо. Но и этих двух слов ему хватило, чтобы он осознал: здесь происходит разговор с Создателем.

Они немного постояли в сторонке, а затем отец, подтолкнув Кольку, направился было к выходу, но чуть замешкался у иконы, на которой были изображены множество святых с едва различимыми лицами.

– Ого, пара взводов, не меньше. Кто они? – шёпотом спросил он у монаха.

– Это святые нашей земли Ярославской.

– Все, наверное, жили очень давно, ещё в средневековье?

– Нет, не все. Вот этот, – монах показал на одну из фигур на иконе, – Николай Любомудров, жил совсем недавно, в конце XIX – начале XX века. Погиб за веру, и признан Православной церковью священномучеником в 2000 году.

– Ясно, – ответил отец, и они, стараясь не нарушить торжественную обстановку службы, вышли из храма. Монах проводил их до ворот.

– Эх, забыл совсем! – с досадой сказал отец. – Забыл свечку поставить Николаю Угоднику. Он – покровитель странствующих, а я вроде как тоже – странник. Мне ездить много приходится. Мой отец часто мне говорил: перед дорогой обязательно надо поставить свечку Николаю Угоднику, – он повернулся к монаху: – Возьмите, пожалуйста, деньги и поставьте за меня свечку...

– Нет, – мягко ответил тот. – Дойти здесь две минуты. Вы уж сами.

– Ну, сын, постой здесь, я быстро, – сказал отец и вернулся в храм.

Рейсовый речной трамвайчик вёз их обратно. Отец спросил Кольку:

– Ну, как тебе путешествие «куда глаза глядят»?

– Здорово, – ответил мальчик. – Надо было ещё лётчика попросить покатать нас на самолёте. Тогда бы было совсем здорово! Не думай, я бы не испугался.

– Какие твои годы – ещё полетаешь. Жизнь-то всё убыстрится. И самолёт скоро будет как автомобиль. Или автомобиль – как самолёт! А в Херсонес, то бишь в Севастополь,

надо бы съездить в отпуск. Как думаешь? Потрогаем древние камни руками, почитаем древние надписи.

– Потрогаем, – деловито ответил Колька, хотя не очень понимал, зачем это нужно куда-то ехать, чтобы трогать руками древние камни. И что в них интересного, в камнях этих.

«А почитаем, но только не как в тот раз», – мальчик вспомнил забавный случай, который случился года два назад. Они сидели с другом Мишкой на диване и рассматривали картинки. Дойдя до фотографии найденного на территории древнего государства Урарту огромного камня, на котором клинописью была выбита какая-то надпись, Мишка сказал:

– Вот бы прочитать, что там написано, интересно ведь.

– Интересно, только буквы-то непонятные.

– Наверно, никто не сможет понять, – согласился Мишка. – Может, там о каких-нибудь сокровищах написано. Мы бы прочитали, поехали бы туда и нашли их.

Этот диалог услышал Валентин Николаевич, который зачем-то зашёл в детскую комнату.

– Сейчас прочтём, это запросто. Я этот язык знаю, – серьёзно сказал он и начал как бы с трудом читать: – «Царь Аргишти, сын Менуа, соорудил эту крепость из десяти тысяч камней этих». Вот и всё. Никаких сокровищ!

Ребята обомлели.

– Вот это да, – не удержался Мишка. – Дядя Валя, а это трудно – читать эти буквы?

– Пустяки, – засмеявшись, ответил отец Кольки. – Если знаешь перевод наизусть. Да не удивляйтесь. Я эту картинку ещё с пятого класса помню вместе с переводом, который там был дан.

Мишка не поверил! Он потом долго всем рассказывал, что отец Кольки может запросто читать древние клинописные тексты. А Колька и не возражал и только поддакивал. Ещё бы! Всегда приятно сознавать, что твой отец умеет делать то, что не умеет никто.

Глава II

Отпуск военного человека трудно поддаётся планированию. Думали одно, а вышло другое. Только стали вещи укладывать да билеты заказывать – отца опять послали в срочную командировку. На этот раз в Индию. Валентин Николаевич же сидел туда, помогал тамошним военным и возвратился домой загорелым и слегка похудевшим.

Слишком много солнца, а в меню преобладают овощи и рис», – объяснил он произошедшие с ним перемены.

Мать постоянно расспрашивала отца о поездке и живо интересовалась: похожи ли индийцы на тех персонажей, которые действуют в их фильмах? Индийские фильмы мать обожала. Особенно ей нравились индийские танцы и песни, хотя, как человек, получивший высшее филологическое образование, она поругивала сюжеты фильмов за примитивизм. Но добавляла при этом, что наши сериалы тоже делают люди, которые, видно, никогда не читали ни Пушкина, ни Чехова, ни Гоголя.

Отец отвечал, посмеявшись, что это такие же люди, они нормально ходят, нормально разговаривают, а не поют по любому поводу. «Может быть, это потому, – добавлял он, – что общаться приходилось в основном с военными, а поющих офицеров и солдат я там не заметил. Армия есть армия, поют только по команде».

– Самое главное, – говорил он, – они к нам хорошо относятся, с уважением и по-доброму. Пожилые люди ещё помнят советские времена, и слоган: «Хинди – русси – пхай-пхай» (индийцы и русские – братья) – для них не пустой звук. Да и неумудрено. У нас даже некоторые слова похожи: рубль – рупия, агни – огонь, радха – радость.

У нас братьев-то с некоторых пор поубавилось – Польша, Чехия, Словакия и Украина перестали быть «братскими странами». А индийцы, хоть и изменились, но не сильно. Мы как-то разговорились с командиром воинской части за чаем – они спиртное не употребляют совсем, молодцы, так вот, он мне ска-

зал так: «Для индийцев Лондон – это отец, а Москва – мать. Отца почитают и слушаются, а мать любят, и чуть что заболит – бегут к ней жаловаться».

В прошлый раз отец пробыл в Индии всего две недели. А теперь уехал почти на два месяца. Колька очень скучал по отцу, а особенно – по их ставшими теперь обычными воскресным вылазкам «куда глаза глядят».

Дед, видя, что внук приуныл, – лето проходило впустую без событий и приключений – однажды позвонил и предложил поехать с ним на рыбалку на Рыбинское водохранилище, куда-то в район посёлка Брейтово. «Рыбы там – не мерено», – говорил он. Там у деда жил приятель, бывший председатель развалившегося в перестроечное время рыболовецкого колхоза. Недавно он создал свою рыболовецкую артель. Так что улов был обеспечен в любом случае, так как в артели ловили не удочками, а добротными сетями с крупными ячейками. Колька, конечно, не отказался, поскольку по сути своей был такой же Скиф, как и его отец.

Добирались они туда на древних дедовых «жигулях» долго. Машина скрипела и кряхтела, но тащила своих пассажиров – старого да малого – и, наверное, думала про себя, что лучше бы ей отдохнуть где-нибудь на свалке, чем прыгать по этим дорогам, которые сам же дед называл танкодромами – то есть полигонами, где испытывают танки на прочность.

Есть поверье, как сделать дорогу короче: надо просто завязать интересную беседу, и время пролетит незаметно. За время в дороге дед с внуком переговорили обо всём: и об учёбе, и о друзьях, и о морских походах, но где-то к середине пути оба подустали и некоторое время сидели молча. И только недалеко от какого-то села, где мальчишки запускали модель планера, гоняя по скошенному полю, Колька прервал молчание.

– Чего это они? Лучше бы в футбол играли. Эта игрушка у них и не летает почти. Вон, опять грохнулась, – сказал Колька, увидев, как модель самолёта, взлетев на секунду ввысь, клюнула носом землю.

– Игрушка, говоришь? Может, и игрушка. Но, знаешь ли, вот из такой игрушки родилось грозное оружие. Его называют дроном. На эти крохотные по сравнению с настоящими самолётами аппараты устанавливают фото- и телеобъективы и запускают над территорией противника. И всё вокруг как на ладони. Их и обнаружить, и сбить почти невозможно. Иногда их оснащают и боевым вооружением. Кстати, некоторые дроны запускают с устройства, похожего на рогатку, из какой я в детстве по воробьям палил. Так-то, малыш... Так, что это у нас за село? Ага, Лацкое. Давай-ка заедем, водички купим, а то у нас кончилась, а ехать ещё долго.

Бесконечная дорога обоим поднадоела, да ещё так получилось, что заехали они не туда, а в село Лацкое. А село, видно, раньше было людным и небедным. Посередине стояла церковь, значит, деньги у жителей когда-то водились. Но сейчас церковь пребывала в запущенном состоянии, как и большинство сельских храмов.

Казалось, будто враг прошёл по земле, озлобившись на церкви, да и на веру вообще. Редко где храмы уцелели. И враг этот не был иноземным. Последний раз захватчики – татаро-монголы – нагрянули сюда аж в XIII веке, с тех пор враг никогда не появлялся на этой земле. А довели её до такого состояния сами жители, русские, с позволения сказать, люди. Не все, конечно, а только некоторые. А почему они это делали? Бог весть. У каждого, видно, своя причина была, свои резоны. Да и время шло свою лепту в этот процесс запустения. Каждый год откапывал свой кирпичик от стареющего, ветшающего без пригляда здания. Печальный вид усиливал огромный деревянный крест – то ли кладбище обозначавший, то ли ещё что.

Выяснить точно было не у кого. Пожилая продавщица в магазине оказалась особой неразговорчивой. Молча взяла деньги, дала им две бутылочки воды, а на вопрос, что за крест такой стоит, – ничего не ответила, а сразу ушла к себе в подсобку, проворчав что-то невнятное.

– Ну, ладно, поехали, – сказал с досадой дед. – Неужели нас здесь встретили, а жаль. Ведь наши с тобой предки из

этих мест: километров за десять отсюда стояло село, где жили наши прадеды. Село под воду ушло. Русская Атлантида получилась. Рукотворная. Ни землетрясений, ни извержений вулкана, как в настоящей Атлантиде. А этому селу, – дед обвёл взглядом покосившиеся домики, – повезло, не попало в зону затопления.

– Дед, а зачем вообще здесь устроили море? Чтобы рыбы было больше?

– Нет, Колька, не в рыбе дело. Понимаешь, ещё до Октябрьской революции русские инженеры-энергетики разработали этот проект. Для промышленности нужно было большое количество электроэнергии, а как её получить? У нас ведь равнина, водопадов нет. Вот и применили принцип водяных мельниц: создать запруду и на ней колесо с лопастями, которое будет крутить подающая вода и вырабатывать электричество.

Ну, в царское время или духу не хватило, или денег. Все планы на бумаге остались. А в советские годы, когда во всей стране стали строить заводы и фабрики, вспомнили об этом проекте. И создали это море рукотворное. Дело-то хорошее – энергия, без неё и лампочки бы не горели, и компьютер был бы бесполезен. Да вот беда – землю плодородную затопили, её уже не вернёшь.

Весь род людской на земле кормит тоненький слой плодородной почвы. Исчезнет он – и человеческий род исчезнет. А здесь людей согнали с родных мест. Кто добровольно переехал, кого насильно увезли. И прабабку твою на старости лет прогнали с родного огорода. А прадед не дожил, не видел этого разора. Может, и к лучшему. Суровый мужик был. На старой фотографии на цыгана похож: с большой бородой, а взгляд острый, умный. Хотя и был обычный русский мужик – крестьянин. Ну, всё, поехали. Считай, побывали в селе, которому повезло. Не затопили.

Рыбалка удалась на славу. К вечеру они уже наловили рыбы по целому ведру, попалась даже одна стерлядь. А стер-

ляжья уха – это старинное русское блюдо, которое когда-то, до создания Рыбинского моря, было доступно любому рыбаку. А потом эта очень вкусная рыба как-то перевелась. Колька впервые в жизни такую уху попробовал, а потом съел целую молодую копчёную щучку. Дядя Миша сказал, что коптил её прямо в печной трубе. Обьедение, да и только.

На другой день они той же дорогой возвращались назад, но больше нигде не останавливались. С собой они везли десяток копчёных щук да пару замороженных судаков. В общем, и дед, и Колька рыбалкой остались довольны.

Правда, уже перед выездом в родной город природа устроила им красочное шоу. Началась гроза! Да какая...

Было ощущение, что где-то неподалёку расположился огромный оркестр. В этом оркестре ветер исполнял главную партию, играя на ветках деревьев, как на струнах, и извлекал звистящие и шелестящие звуки. Крупные капли дождя, стучавшие по крыше машины, задавали ритм, а гром, время от времени раздававшийся где-то наверху, за тучами, звучал как барабан в самые драматические моменты исполняемой симфонии.

А кто дирижёр? Он невидим, но мы знаем, что он есть. И можем его ощутить не только тогда, когда звучит этот оркестр, но и прислушиваясь к себе. Когда кто-то внутри нас говорит нам о добре и счастье – это Он! Надо только слушать его. И слушаться.

Гроза тогда прошла быстро: отыграла своё – и скрылась за горизонтом. А когда они подъехали к дому, деду позвонил на мобильник отец Кольки и сообщил, что завтра прилетает в Москву. Командировка закончилась.

– Вот и хорошо, – оживился дед. – К рыбке приедешь свеженькой. Завтра уху приготовим. Надоела, наверное, индийская стряпня?

– Ещё как. Ну, до завтра.

Колька, услышав, что отец завтра приедет домой, так обрадовался, что даже забыл захватить свою долю добычи. Дед

позвонил ему под вечер и сказал, что бабушка всё приготовит сама, и пригласил их с матерью на обед. Мать тоже была довольна таким поворотом событий, поскольку на следующий день у неё предполагался плотный график в институте, и времени на приготовление рыбы не было.

Старый морской волк по традиции сам почистил рыбу, ~~и~~ доверив эту трудную операцию жене. Зато ей досталась другая забота – по всей кухне собирать рыбью чешую, которая имеет свойство разлетаться при чистке. Чешуйки, похожие на старинные русские серебряные копейки, потом ещё долго находят при уборке дома в самых неожиданных местах.

Закончив свои дела с рыбой уже в первом часу ночи, Николай-старший, как его иногда называл внук, наконец-то угомонился, но сон всё что-то не шёл. Почему-то не выходил из головы разговор с Михаилом после застолья, когда они вышли подышать во двор, устроившись на брёвнышке у крыльца. Ночь была тёплой, и ласковый ветерок готов был растрепать волосы у них на головах, да зря старался – оба уже давно лишились буйной растительности. Что делать: голова старого человека – что дерево по осени. По поздней осени. Висит один уцелевший листочек – и на том спасибо.

– Слушай, – спросил Николай-старший, – что там за крест в Лацком, не знаешь? Поинтересовался у продавщицы – она не ответила, ушла к себе. Странная какая-то. Обычно продавщицы сельских магазинов любят поговорить.

– Да тамошние жители не любят об этом распространяться, – чуть помолчав, ответил Михаил. – На том месте был расстрелян местный священник во время подавления Ярославского мятежа. Подробностей не знаю, да и не интересовался никогда. Я, как знаешь, далёк от религии. Когда-то верил, как все, в коммунизм, а потом от моей той веры мало что осталось. И замены ей я не нашёл.

– А искал?

– Искал, но ты же знаешь – мне не до философских размышлений. Рыбацкий труд тяжёлый, я же артель создал, а

дело это не простое. Всё организовать, за всем проследить, да я и сам в море хожу.

– Понимаю. Но всё равно к нашему возрасту задумываешься о многом, в том числе и о Боге. У меня как-то всё сложилось. Время было поразмышлять да подумать, и я, несмотря на советское воспитание, всё же пришёл к вере. Нет у человека ничего, равного по силе вере в Бога. Нет. Это я знаю точно.

– Тот священник из Лацкого, наверное, был по-настоящему верующим человеком, – задумчиво сказал Михаил. – Людям-то в селе до сих пор стыдно, по-моему, за то, что не защитили батюшку. Погиб, скорее всего, ни за что. Просто всех священников тогда объявили врагами народа. И всё тут. Но что там реально случилось, мы не знаем! Может, у него была возможность скрыться, а он не пожелал. Бог оставил человеку свободу выбора! И этот священник выбрал свой путь – путь мученика за веру. Думаю, дело в этом.

– Тяжёлый выбор! Да и разговор у нас тяжёлый. Давай лучше не будем... Оба мы не великие специалисты. Меня в военно-морском училище теологии не обучали, да и тебя в академии тоже этой наукой обошли...

«Да, было времечко! – подумал старый моряк и так тяжело вздохнул, что даже спящая рядом жена заворочалась. – Хорошо, что в наше время ничего подобного не случилось. Служили Родине, такую армию и флот создали, что американцы не посмели напасть. А хотели и планировали, много раз, но убоялись. Да и Бог с нами. Не даст Россию в обиду! А ваша армия и флот ему в этом помогут».

С тем он и заснул. Завтра будет новый день. Сын вернётся! Живой и здоровый. И нет войны. Ни гражданской, ни мировой. Хорошо сказала какая-то австралийская писательница: «Say no to death» – «Скажи смерти нет».

Мы и сказали!

Глава III

После возвращения отца из Индии ему дали две недели отпуска, и он, видно, вспомнив разговор с лётчиком, а может и по другой причине, решил, что нужно всей семьёй съездить отдохнуть в Крым. И заодно навестить древний город Херсонес, где принял крещение киевский князь Владимир Красное Солнышко. Ведь именно он подарил Руси православие и показал путь, по которому мы, иногда спотыкаясь, идём и до сих пор, осенённые крестом Христовым.

Валентин Николаевич вдруг понял, что, побывав в разных странах и понаблюдав за людьми разных религиозных убеждений – индуистами, мусульманами и католиками, о своей религии, которая существует у нас более тысячи лет, почти ничего не знает. И начал серьёзно интересоваться православием и его истоками. У него всегда была склонность к изучению истории, но он стал офицером. Но звёзды на погонах не мешали ему интересоваться не только военным делом. Было бы время.

Словом, в последние годы его частенько можно было видеть лежащим на своём любимом диване с Евангелием в руках. Он пытался читать и Ветхий завет – но доходил только до последнего дня сотворения мира, а дальше откладывал книгу в сторону. Впрочем, так же он поступал и с «Анной Карениной» великого Льва Толстого. В нашу эпоху в единицу времени происходит столько событий, сколько раньше за месяц происходило. Когда тут читать длинные и толстые книги?

Путешествие на поезде – вещь весёлая, особенно когда за окном постоянно мелькают новые незнакомые города, утопающие в зелени садов чистенькие посёлки и деревеньки с белыми хатами, за которыми сверкают золотые поля цветущего подсолнуха. Красота! Всё было весело и хорошо до границы с Украиной. А вот после...

Сначала появились украинские пограничники, потом таможенники, которые сунули свои носы даже в сумочку ма-

три, потом как из воздуха возник сотрудник транспортной милиции, который долго осматривал купе и потом ещё обнюхивал флакон с корвалолом – это лекарство такое. И всё с этими иными, непроницаемыми лицами. После того как семью всё же не оставили в покое, отец со злостью сказал:

Отыгрались «самостийщики» по полной.

Кто такие «самостийщики», Колька тогда не понял и сначала спросил у отца:

Пап, а почему они такие злые? Они на нас сердятся, что ли? Никто даже не улыбнулся.

Мать в это время, чуть не плача, приводила в порядок свою развороченную дорожную сумочку от Луи Вюттона, которую ей привёз муж из очередной поездки за границу. Она ещё помнила то время, когда никакой границы между Россией и Украиной не существовало, и все ездили как хотели и куда хотели. А в дамскую сумочку могли залезть только воры, и то если никто их не видел.

Знаешь, сынок, эти люди сейчас делают вид, что мы никогда не были знакомы. Такое часто бывает. И не только с людьми, но и с целыми государствами. В общем, вырастешь – поймёшь.

Настроение им эти события подпортили изрядно, но ненадолго. Уже на следующей за Харьковом остановке в вагон, как дождевая вода через щель в крыше, стали просачиваться шумные говорливые тётки с цветастыми сувенирами, затейливыми глиняными кружками, связками бус, которые были бы интересны дикарям на каком-нибудь заброшенном тропическом острове, варёной кукурузой и чудными львовскими конфетами – в общем, выбирай что хочешь. Дёшево и сердито, как гласит народная поговорка. Или «на грош пятаков», как говорили в старину. При этом они на смеси русского и украинского языков на чём свет поливали нехорошими словами своих тогдашних правителей и, видимо, ждали того же от отца Кольки, которого они, кажется, за иностранца не считали. Они, видно, хотели сочувствия и ждали поддержки «от москаля». Но Ва-

лентин Николаевич оказался настоящим дипломатом. Пограничники, или, как их называют на Украине – прикордонники, недавно погремевшие своими «калашниковыми» в их купе, ясно дали понять: они не свои, а иностранцы и едут по чужому и уже не очень дружественному государству. В результате он только улыбался и отмалчивался, хотя, можно не сомневаться, ему было что сказать. От бус они тогда отказались, не дикари всё-таки, а вот конфеты попробовали. Вкусные были, нечего сказать.

В тот раз до Севастополя, который теперь располагается на месте того самого Херсонеса Таврического, они так и не добрались. У них оставалась всего неделя: отца опять куда-то направляли, а жене и сыну так хотелось ещё позагорать, поплавать в тёплом море с такой прозрачной водой! Такую воду мальчик раньше видел только на фотографиях да на репродукциях с картин Айвазовского, альбом которого всегда лежал на столе у деда – старого моряка. Хотя этот художник предпочитал писать бушующее, а не тихое море и красавцы-парусники, противостоящие буре. Видно, душа у него была беспокойная. Но Кольке больше запомнились почему-то его спокойные морские пейзажи.

Взрослые подумали-подумали и дрогнули: застряли в Ялте. Как когда-то застрял там Антон Павлович Чехов, наш великий писатель. И дом там построил, и сад разбил. До сих пор стоит, напоминая о том, что были у России и спокойные времена.

Именно в Ялте и произошёл с ними тот памятный забавный случай. Однажды вечером, когда отец с матерью сели перед телевизором, мальчик от нечего делать начал листать книжку Марка Твена «Простак за границей», которую перед сном читывала мать. Колька уже читал повести этого американца о Томе Сойере и Гекльберри Финне, которые и стали его любимыми героями. А «Гарри Поттер» (или, как он его переименовал, «Потный Гарри») так и остался непрочитанным. Может, это была и хорошая книжка, но когда все друзья только и

тащичат об этом Гарри, охота о нём читать пропадает. Колька был весь в отца – с характером!

Так вот, взяв мамину книгу, Колька думал, что найдёт в ней что-нибудь о своих любимых героях. Но нет, там говорилось в основном о путешествиях по святым местам на Ближнем Востоке да по разным европейским странам. Он попробовал читать, но мало что понял. Марк Твен писал свои заметки так свои дорожные впечатления для газеты. Только за одну фразу мальчик зацепился взглядом, как рукавом за торчащий гвоздь. Эта фраза вызвала у него недоумение, и он задумался, пытаясь понять, что к чему. Дело в том, что Марк Твен написал «А вот и Ялта – это русский город в Крыму». Американец, оказывается, здесь бывал и даже встречался с самим царём.

«Как же так, ведь мы на Украине, – подумал мальчик. – Наверное, американец что-то напутал».

Довольный тем, что нашёл ошибку в тексте великого писателя, он показал это место в книге отцу, который, сидя в кресле, дремал перед экраном. Отец, приоткрыв слипающиеся глаза веки, прочитал фразу и помрачнел. Даже глаз у него закривился, что бывало только тогда, когда он сильно нервничал.

– Не напутал американец, – чуть помолчав, ответил отец. – Это святая правда. Просто когда-то, в 50-е годы прошлого века наши недальновидные, мягко говоря, правители подарили Крым, русскую территорию, Украине. А теперь мы расплачиваемся за эту дурость. Ходим по своей земле как по чужой.

– А зачем подарили? У Украины что, день рождения был?

– Почти угадал! Просто тогда мы жили в одной стране. И были братьями. А брату для брата ничего не жалко. Ну вот, так тебе объяснить? Помнишь, Лена, твоя сестрёнка, окончила школу с золотой медалью, и ты на радостях подарил ей своего любимого медвежонка? Так ты обрадовался за свою сестру. Вот и в этом случае произошло нечто похожее. В те годы праздновалось 300-летие воссоединения Украины с Россией. Было бы им плюшевого медвежонка подарить, а наш правитель тогдашний подарил им самую тёплую и красивую часть России. Ему было не жалко, очень оказался щедрый товарищ.

А когда Украина решила жить отдельно от нас, она должна была вернуть подарок, но не вернула. И даже сделала вид, что Крым всегда был их территорией.

– Зажилила? А Ленка не зажилила, отдала мишку мне обратно, когда уезжала.

– Зажилила! Точное словечко ты нашёл, сынок. Кстати, ты видел в учебнике по истории России портрет Кутузова, нашего великого полководца, победителя самого Наполеона? Заметил, что у него одного глаза нет?

– Заметил, у него чёрная повязка на глазу. Я в фильме «Гусарская баллада» видел.

– Точно. Так вот, глаз он потерял в Крыму, во время войны с турками, кстати, недалеко отсюда; мы, когда ехали в Ялту, проезжали этот перевал, где произошло то знаменитое сражение. Ранила Михаила Илларионовича в голову турецкая пуля, глаз он потерял, но выжил и на службе остался. Берёт его Бог, берёт, а то бы некому было Наполеона и французскую армию в 1812 году выгнать из России. Остальные полководцы – Барклай де Толли и Багратион – были послабее. За один этот потерянный глаз Кутузова я бы не отдал Крым никому, – уже чуть повеселев, сказал отец. И, взяв в руки томик Марка Твена, положил на тумбочку у кровати. – Молодец Марк Твен, – улыбнулся он. – Всем бы американцам раздать по такой книжке. А это место подчеркнуть.

В итоге Колька так и не понял толком, что за путаница такая с этим сказочным местом – Крымом, и больше на эту тему с отцом не говорил. Да и не очень интересно ему это. Взрослые натворили – пусть сами и разбираются.

В Херсонес они всё же попали, но через четыре года, когда Крым опять вернулся к своей матери России. Добирались они туда уже иначе, через Керченский пролив на огромном пароме. Было ветрено, паром немного покачивало, поскольку море волновалось, причём отплывал корабль при абсолютно спокойной воде. А на середине пролива вдруг волны появились, но паром шёл себе не торопясь, лишь немного покачиваясь...

И вскоре они вступили на твёрдую землю – русскую землю полуострова Крым. Никто не смотрел на них недобрыми глазами – ни таможенники, ни пограничники. Их там просто не было. Они приехали к себе.

На юного путешественника развалины древнегреческого города Херсонеса никакого впечатления не произвели. Валяются какие-то глыбы мрамора, торчат остатки колонн, кое-где выглядывают стены, вернее то, что от них осталось. А вот его отец всё, что мог потрогать руками, – потрогал, везде, где мог залезть с головой, – залез и набил себе здоровенную шишку о старинную колонну. Но испугался почему-то не за голову, а за колонну. Не дай бог повалится и разобьётся. Голова-то, мол, ещё молодая, а колонне почти две тысячи лет! Но древняя каменная развалина выдержала удар головой незадачливого туриста. Ей не привыкать. Не в первый раз и не в последний.

– Вот так сувенирчик, и главное – бесплатный. Эх, нет теперь медных пятак, приложить к шишке нечего, – морщась от боли, проговорил отец, копаясь в карманах и пытаясь найти платок.

– Как это? – не понял Колька.

– А так это! Я в детстве только так и спасался от синяков. Приложишь пятак – и пропал синяк.

– Так уж и пропал! – не поверил Колька.

– Ну, по крайней мере, поменьше становится. И чему вас только в школе учат? У нас в классе каждый знал этот рецепт. Синяки и шишки частенько друг другу ставили. А потом вместе лечились пятаками.

В церкви с непривычным по форме большим византийским куполом, похожим на огромный золотой шлем старинного воина, они долго ходили, любясь убранством храма. Уста Колька, если честно, немного скучал. Экскурсовода-то у них не было, а отец и сам мало что знал. Да и разговаривать в храме как-то неудобно. Около иконы Святого Владимира

отец размашисто перекрестился, да так, что задел локтем женщину в белом платке, оказавшуюся рядом, что-то шептавшую около иконы Богородицы.

– Извините, – смущённо пробормотал Валентин Николаевич и, не дожидаясь ответа, пошёл дальше, подтолкнув мальчика.

– Бог просит, – вслед уходящему отцу с сыном ответила женщина, не повернув головы.

Они ещё немного походили по храму, где было прохладно и стоял полумрак, усыпанный светлыми крохотными пынышками от горящих свечей и лампад. Было торжественно спокойно. Так, как и должно быть в доме, где живёт Бог.

Когда они вышли на улицу, яркий солнечный свет брызнул им в глаза и на секунду ослепил их.

– Смотри, Колька, вот он, свет Божий, именно здесь воскликнул отец.

И Колька так и не понял, пошутил отец или сказал искренне.

А когда ослепление прошло, они осознали, какие умные люди были греки, выбравшие для своего города место, где живёт и Благодать Божия, и сама Её Величество Красота. Та самая, которая, как говорил Достоевский, наш великий писатель, спасёт мир. Конечно, Красота – это не могучая российская армия с современным оружием, которая может победить любого врага. Красота напоминает людям о бессмысленности самой войны, конфликтов и ссор. Она зовёт людей быть мягче и добрее. В этом её сила.

– Эх, сейчас бы мороженого! – громко сказал мальчик, поскольку солнце здесь светило и грело в полную силу.

Но мороженого в поле зрения не было. Сколько ни вёл мальчик головой, так ничего и не увидел. Место было открытое, и торговцы, по обыкновению, ушли в тень.

– Сейчас выясним. Гражданочка, не знаете, есть здесь кафе какое-нибудь поблизости, где мороженым торгуют? А то у меня мальчишка совсем затосковал, – обратился от

к проходившей мимо женщине, которая вела за руку девочку. Девочка, похоже, тоже не отказалась бы от чего-нибудь холоденького.

– Пойдёмте. Мы вас выведем к кафе, сами туда идём, – приветливо ответила женщина.

– Ещё раз извините, – Колькин отец узнал женщину, которую он неловко задел в церкви. Правда, она уже сняла свой белый платок, кончик которого виднелся в её сумке, и на голове у неё сияла блёстками легкомысленная бейсболка.

– Ничего, пустяки, – ответила та, и они все вместе пошли в сторону кафе. И люди, встречающиеся им, наверное, думали, что идёт счастливая семья, каких много приезжает на отдых. Вряд ли кому-то пришло в голову, что эти люди только что встретились. Некоторое время они шли молча, но Колька же любил играть в молчанку и спросил у девочки:

– Тебя как зовут? Меня – Коля.

– А меня – Настя, – ответила вежливо девочка, но даже не взглянула на мальчишку, который был ниже её ростом и, кажется, даже младше, чем она.

– А вы откуда? – не унимался Колька. – Ты совсем не задала, не то что я.

– Мне вредно, я на пляже под зонтом сижу, – грустно ответила Настя.

– Ещё успеешь стореть, – вступила в разговор её мать. – Мы с северов, у нас кожа белая, как сметана, чуть побыл на пляшке – и уже ожоги. Так что мы загораем понемножку.

– Почти земляки, надо же, – улыбнулся отец, но продолжая разговор не стал. В такую жару хотелось в тени посидеть и выпить чего-нибудь холоденького, и больше, кажется, ни-
че.

Вскоре они подошли к небольшому кафе, где, к счастью, работал кондиционер, и устроились за одним столиком.

Глава IV

В кафе было тихо и безлюдно, и только несколько жёлтых канареек в клетках забеспокоились, когда вошли посетители. Кольке показалось, что канарейки начали на своём птичьём языке обсуждать, во что одеты приезжие, откуда они и как выглядят. Выглядели все пока неважно – никто не мог похвастаться фирменным крымским загаром. Ну, женщины, даже если они птицы, любят посудачить между собой обо всём на свете. Такова их природа. А у посетителей, севших в удобные мягкие кресла, разговор как-то не получался. Разомлели они от жары, да и «о чём говорить, когда говорить не о чем». Эту фразу любят произносить актёры, участвующие в массовке во время съёмок в кино, если они изображают говорящих людей. Слов-то им по сценарию не достаётся. Вот и приходится выворачиваться.

Когда официантка принесла им заказ, женщина, поправив дочке растрепавшиеся волосы, сказала:

– Ну что, скоро домой, в Ярославль. Мне, честно говоря, уже и поднадоело здесь. А тебе?

Девочка, увлечшись мороженым, ничего не ответила, а Колька аж присвистнул от удивления, правда тихо, а не как обычно.

– Надо же, и мы ярославские, – сказал он девочке, оторвавшись от заветного лакомства. Но на неё это не произвело никакого впечатления, она продолжала с увлечением поедать свою чудовищных размеров порцию розоватого мороженого. Колька обиделся и замолчал.

– А вы давно здесь? – спросил первое, что пришло ему в голову, отец Кольки и впервые, пожалуй, с любопытством взглянул на соседку по столику. Посидев в холодке, все чуть-чуть оживились и начали проявлять слабый интерес к окружающему миру и друг к другу.

– Две недели, – охотно вступила в разговор мать Насти. – У нас в Севастополе родня, у них и остановились. С погодой повезло. Всё время солнышко и тепло. А дома – муж сегодня

ношил – ночью были заморозки, а днём град. И это – в конце июня! Безобразие. И жаловаться некому, – улыбнулась землячка. – Разве что президенту.

Не поможет. Это вне его компетенции. Хотя, может, у него уже есть номер мобильного небесной канцелярии, который погодой заведует, – пошутил Валентин Николаевич.

Мы завтра по Севастополю побродим, – продолжил он, – посмотрим на настоящие боевые корабли. Дед-то у этого типа, – он кивнул в сторону Кольки, – моряк, капитан первого ранга. Столько всего ему понарасказывал про свои военные походы, что и этот юноша решил стать моряком. Так, Николай? Видел у моряков новую парадную форму? Ввели кители со стоячим воротничком. Красота! Наши морские офицеры – самые элегантные ребята. Только, наверное, головой вертеть неудобно, – засмеялся он. – Хотя чего вертеть, море не шоссе, куда ни поедешь, везде пройдёшь, если мелей не много.

Я уже передумал, – буркнул Колька, недовольный тем, что отец выдал его главную тайну, да ещё и при незнакомой девочке, которая к тому же не обращала на него внимания.

Ничего, со временем опять передумаешь, – засмеялся отец. Я в этом возрасте вообще хотел стать вратарём сборной СССР по футболу, потом пожарным, потом актёром. А стал офицером... А вот, скажите, что нам здесь ещё посмотреть? – обратился он к соседке. – Херсонес увидели, главная цель поездки достигнута. Посмотрели, откуда православие на Русь пришло.

Съездите на Малахов курган, на Сапун-гору. Там много всякого оружия выставлено, мальчику будет интересно. Да походите по местам боевой славы нашего земляка – святого Фёдора Ушакова. Недавно в эти края доставили частицу мощей адмирала. Помните такого? Он родился недалеко от Романово-Борисоглебска, так тогда называли нынешний Тутаев.

Какие мощи? – не понял отец Кольки. – Вы ничего не путаете? Разве он канонизирован? Когда же это случилось?

Да, уже давно. В начале двухтысячных его причислили к лику святых.

– Не знал, не знал. Надо же.

– Пап, а как это: адмирал – и вдруг святой? Он ведь флотом командовал, топил корабли противника. Я фильм о нём старинный смотрел. У святых – бабушка рассказывала – совсем другая жизнь. Они молятся, людям помогают – за это их и называют святыми, – блеснул мальчик умом перед Настей, которая, покончив с мороженым, сидела и скучала.

– Никудышный из тебя богослов, – улыбнулся отец. – А как же ещё один наш земляк – тоже великий воин – Александр Невский? Он и в битвах участвовал, а сколько врагов положил – никто не считал. Просто защита Родины – дело святое. Ясно? Мой прадед, а я его ещё застал в живых, говорил, что все солдаты, погибшие за Родину, – святые люди.

– Да, Коля, а князь Владимир – наш святой, который здесь, в Херсонесе, принял православие, тоже повоёвал немало, – заметила мать Насти, вставая из-за стола.

– Всё равно не понимаю: святые – это те, кто молятся, или те, кто воюет? – не унимался юный философ.

– Ну и вопросы ты задаёшь, парены! В твои-то годы. А к четырнадцати ты нас с ума сведёшь. Ладно, потом как-нибудь разберёмся. Но на эти темы ты лучше с дедом пообщайся... Знаете, – обратился он к женщине, – наш моряк на старости лет даже посты соблюдать начал. Говорит, и Богу угодно, и пенсия экономится, и для здоровья полезно... Ну, всё съел? Вставай, пойдём. Нам ещё до гостиницы добираться. Эх, надо было сюда на своей машине приехать, ни от кого бы не зависели – ни от такси, ни от автобусов. А я подумал: вдруг на пароме застряну...

Женщина, посмотрев на себя в зеркало и чуть подкрасив губы, неожиданно предложила:

– Давайте мы вас подбросим, я на своём транспорте. Настя, ты не против?

Девочка впервые внимательно посмотрела на Николая и, убедившись, что он младше её, снисходительно ответила:

– Ладно, возьмём. Только, чур, я на переднем сидении. А мальчику там нельзя, он ещё маленький.

Девочка говорила это совершенно серьёзно, но Кольке казалось, что она вот-вот расхохочется и перестанет валять дурака. Но нет, не перестала. Её мать, удивлённо взглянув на дочь, только и произнесла:

– Разумеется. Ну, так как, едем? Мне это нетрудно.

Отец с радостью согласился. Ехать в удобной машине, да ещё с кондиционером – это не в тесном автобусе париться, да ещё по такой жаре. Он сказал, в какой гостинице они остановились, недалеко от центра города, и они пошли к стоянке, похожей на лоскутное одеяло из-за припаркованных разноцветных машин. Вскоре они уже катили по улицам Севастополя, и женщина, выбрав момент, когда встречное движение стало поменьше, спросила у Валентина Николаевича:

– А вы знаете, что князь Владимир крестил людей не только в Днепре? Есть свидетельства, что такой же обряд он совершил во время посещения Ростова Великого. Так что озеру Неро – первая купель для наших земляков.

– Надеюсь, он их крестил летом и в хорошую погоду, – пошутил Валентин Николаевич. – Но от вас я впервые слышу об этом. Что-то плохо верится... В Киеве, понятно, даже улица, по которой шли люди креститься, называется Крещатик. Да и сохранились летописи, свидетельства, легенды. А в Ростове, по моему, память народная никак не отметила это событие. Могло ли так быть?

– Не буду спорить. Просто слышала об этом. Кто-то из духовенства рассказывал.

– Да, Крещатик. Красавец. Целый день там гуляй – не надоест. Надеюсь, нынешние киевские князьки его не переименуют. А то заявят, что российские оккупанты тысячу лет назад загнали киевлян в Днепр и насильно крестили!

– Да уж, с них станется! Вчера, кстати, были на экскурсии, на Сапун-горе, пошли посмотреть диораму, а там дочка знакомилась с мальчиком, он с группой детей из Донбасса отдыхает в санатории. Я смотрю – серьёзный такой, ни разу не улыбнулся. Рассказал Насте, что в их дом в Луганске мина попала, мить ранило куском штукатурки, сейчас в больнице, а

отец воюет. Подарил дочке осколок снаряда на цепочке. Бедные дети, за что им всё это...

– Все думали, что распад СССР пройдёт тихо и мирно. Где там! Инерция разрушения сказалась, – произнёс Валентин Николаевич, который часто размышлял об этом.

– Мы с дочкой после экскурсии купили двадцать мороженоных, и когда эти дети вышли – всем раздали. Я их глаза запомнила – глаза взрослых людей. Я даже потом заплакала. Там были и совсем маленькие... Я ведь в Киеве на историческом училась, в Красном университете – он так назывался из-за цвета главного здания. Все киевские князья мне как родные, столько я о них знаю. Скоро, наверное, их тоже переименуют. Украинская княгиня Ольга, украинский князь Владимир. Грустно и неприятно.

Машина неторопливо двигалась по зелёным улицам Севастополя, где морская форма встречается чаще, чем штатский костюм, и где почти отовсюду виден кусок голубовато-зелёного моря с боевыми кораблями, готовыми в любой момент вступить за свою страну, если её попробуют обидеть. Колька засмотрелся на военные корабли, сверкающие свежей краской после прошедшего в мае военного парада. Да и новая парадная форма морских офицеров, попадавших навстречу, просто слепила глаза мальчишке. И он опять подумал, что, может, всё же послушать деда и в моряки податься? И пройти когда-нибудь в такой форме, но обязательно с кортиком на боку, мимо Насти. И вообще не посмотреть в её сторону. Он даже заулыбался от этой мысли.

– Ну, вот и ваш приют, – сказала женщина, остановив машину у небольшого пятиэтажного здания, которое раньше, видно, служило общежитием, но в недавние годы было переоборудовано под недорогую гостиницу. Как раз для таких небогатых бродяг, как Колька и Валентин Николаевич.

– Спасибо, – отец вытащил бумажник, чтобы расплатиться за проезд, но спутница наотрез отказалась от денег:

– Перестаньте. Мне в радость земляка встретить. Вы, кстати, коренной ярославец?

– Нет, мои корни в затопленной Мологе, под Рыбинским морем. Слышали о таком городе, наверное?

– Я сейчас как раз над книгой работаю, где будет несколько глав об этой русской Атлантиде. Я хорошо изучила этот край, – сказала женщина, достав бутылочку с водой и отхлебнув прямо из горлышка.

– А когда она выйдет на свет Божий? – поинтересовался Пилентин Николаевич.

– Ну, через полгода – год. Трудно сказать. Как пойдёт. Написать полдела. Надо ещё и деньги найти на издание. Да хочется собрать побольше документальных материалов, фотографий старых. Книгу ведь не только читают, её ещё и рассматривают.

– Можно будет её как-то заполучить? Я бы с удовольствием и почитал, и порассматривал.

– Конечно, вот мой телефон. Позвоните, – она протянула отцу визитную карточку.

– Я вам, в свою очередь, могу подарить несколько старинных фотографий Мологи, в нашей семье сохранились. Прадед мой имел фотоаппарат, вещь по тем временам редкую и дорогую, и много снимал. Любитель был. Снимки, правда, плохого качества, мутноватые, но всё равно кое-что разглядеть можно.

– Всё сейчас можно исправить на компьютере. Буду вам очень признательна. Что-то может пригодиться. Давайте я вам сама позвоню, когда вы вернётесь. Кстати, фотографии я сплачу, – ответила, женщина.

– Хотите быть добрее меня, землячка. Торговать историей своей семьи я не буду. В общем, договорились, – он переключил на телефон спутницы свой номер.

– Ну, всего доброго, – сказала новая знакомая.

– До свидания. Позвоните обязательно.

– Пока, Настя, – в свою очередь пробормотал Колька, исподволь взглянув на девочку. Та что-то рассматривала за окном, демонстративно не обращая на Кольку внимания. Он хотел было взять номер её мобильного, но постеснялся.

– Будь здоров, расти большой, не будь лапшой, – вдруг сказала ему Настя и улыбнулась. Дверь захлопнулась, и машина уехала. А Колька с отцом направились в свой номер, который находился на последнем этаже бывшей общаги.

«И чего она задаётся? Ну и ладно! Все девчонки такие: Воображают о себе», – думал Колька, идя следом за отцом и глядя себе под ноги, чтобы не запнуться за старый облезлый ковёр. Ковёр лежал на лестнице то ли для уюта, то ли чтобы замаскировать выбоины на ступеньках. Взяв ключ у сидевшего за стойкой и клевавшего носом человека, они прошли в свой номер. Номер, кстати, был настолько скромным и лишённым каких-либо излишеств, что отец сходу обозвал его монастырской кельей. Такой он был узенький и маленький, зато дешёвый.

– Ну и что, мы с тобой здесь изучаем истоки православия так что аскетичная обстановка кстати. Нам не балы устраивать, перебьёмся пару ночей, – сказал Валентин Николаевич когда они сюда заселялись, хотя, конечно, такой бедности он не ожидал.

Перед самым сном, когда они уже залезли под одеяла Колька, вспомнив разговор отца с их новыми знакомыми, внезапно спросил:

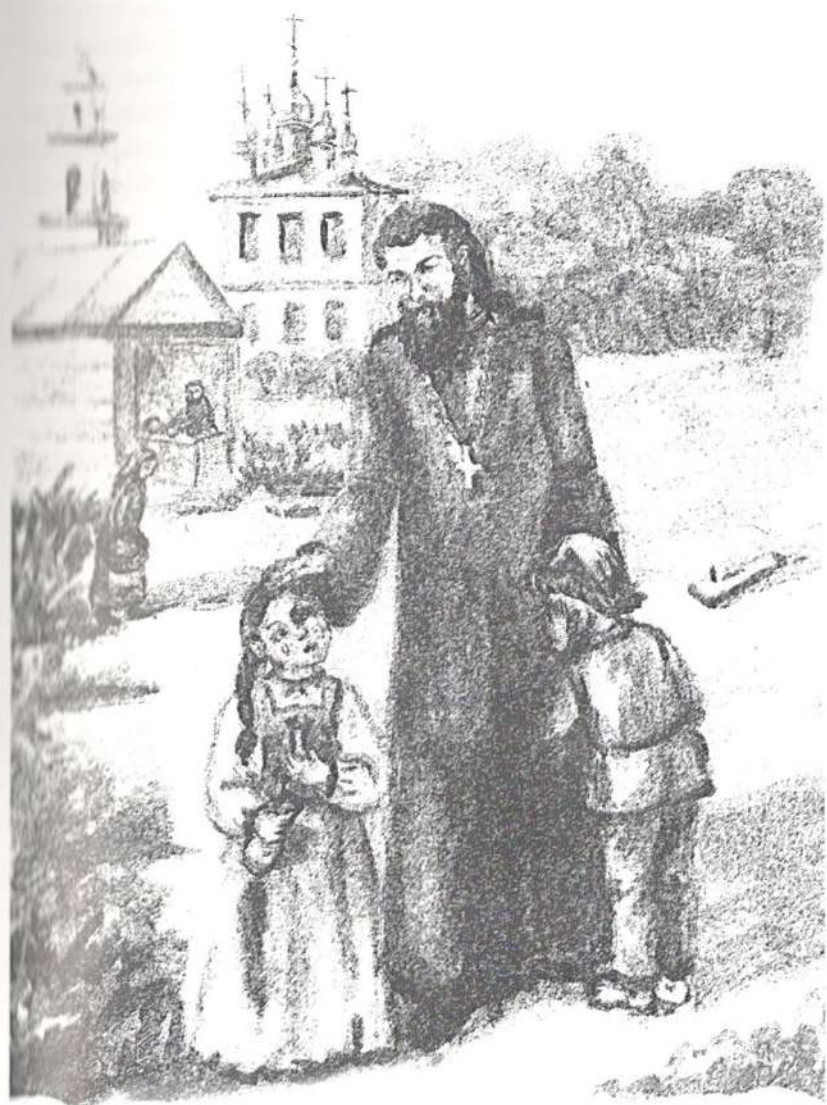
– Пап, а где эта Молога? У нас ведь там жил кто-то? Бабушка рассказывала мне что-то, да я уже забыл. Помню только, что те две голубые вазочки, что стоят у нас в гостиной, её мать выиграла или купила в этой самой Мологе. Когда я маленький был, мне их даже трогать не давали.

– Да, я знаю эту историю. Хочешь, расскажу? Скорей заснёшь.

– Давай, – ответил Колька, сладко зевнув.

– Это ещё до революции случилось, ну, до 1917 года Твоя прапрапрабабка приехала с дочкой в большое село на ярмарку. Ну, ярмарка в те времена – нечто вроде супермаркета в наше время. Там можно было купить всё: от шоколадных конфет до цветочных горшков.

Моя прабабушка Рая была ещё маленькая тогда, но шустря. Её мать, то ли купив, то ли выиграв в лотерею эти две ва

зочки, дала их поддержать дочке, а сама зашла за чем-то в лавку. В это время мимо бежал мальчишка, который то ли нарочно, то ли случайно толкнул Ираиду, и она не удержалась, грохнувшись на траву. Но очень удачно: вазочки остались у неё в руках и не разбились, зато нос она себе расквасила, и ссадина на голове образовалась. Но мальчишке тоже досталось. Лишь только он чуть отбежал в сторону, как наступил на валяющуюся доску, из которой торчал небольшой гвоздь, и проткнул себе ступню. И, конечно же, закричал от боли. В это время мимо шёл местный священник. Увидев двух плачущих детей и поняв, в чём дело, он отвёл обоих к себе домой, где и перевязал их раны. А когда прощался с ними, то сказал матери Ираиды: «Вижу, не зря они здесь столкнулись, ох, не зря. Может, судьбу свою встретили. Ну, идите с Богом. Пусть всё у вас заживёт».

Оказалось, точно не зря. Мальчишка этот, когда вырос, женился на Ираиде. Это твой прапрадед. Или уже прапрапрадед, надо посчитать. Поэтому вазочки-то и берегли все, к кому они переходили. Память о том случае.

– А откуда священник знал, что не зря они встретились? Он что, экстрасенс был, что ли? – спросил мальчик, засыпая под эту то ли сказку, то ли быль.

– Нет, скорее, просто так сказал, в шутку, а попал в точку. Ираида, когда всё уже было решено со свадьбой, настояла, чтобы их венчал тот самый священник. Он ещё жив был. Название-то села я забыл. Странное какое-то. Как же его? На букву «Л», кажется. Ну, не помню. Да, история. А, ты уже спишь... ну спи.

Сын уже посапывал в своей кровати, а отцу не спалось.

«Да, начал задавать вопросы сынок, не знаешь, что и отвечать, – думал Валентин Николаевич. – Взрослеет мальчишка, взрослеет. А ведь он был прав, когда о святых рассуждал: действительно, и Фёдор Ушаков, и Александр Невский были воинами. А война, сражение любое – это гибель людей с обеих сторон. А как же с первой заповедью – “Не убий”? Выходит, они не соблюдали её? И всё равно Русская православная церковь признала их святыми! Но может, всё дело в их последую-

нии справедливой жизни? В том, что они сделали для нашей веры. И помимо то, оба защищали православное государство, а стало быть, и само православие. Наверное, в этом разгадка. В этом! Надо будет как-нибудь потолковать с одним моим знакомым, он всё таки богословское образование получил. А сколько наших полетело в Великую Отечественную войну! Все они святые, эти герои с них не пишут. Дед мой раненый с войны вернулся. Живые были ребята, те, что войну прошли и победили. «Живые и мёртвые», как назвал их писатель Константин Симонов».

С тем глава семейства и заснул. А Колька уже видел двенадцатый сон и набирался сил для нового дня, где есть отец и мать, интересное путешествие, встречи с новыми людьми, разговор с милой насмешливой девочкой Настей. Он ещё не понимал, что это и есть счастье, счастье нормального детства в доброй стране, защищённой молитвами святых и военной силой своих солдат и полководцев.

И имя этой страны – Россия.

Глава V

Лето быстро заканчивается, начинаются новый учебный год и листопад, красные от холода и ветра носы детей и взрослых, серые, в дождливых каплях, голые ветки деревьев, которые тонкими кривыми линиями расчерчивают хмурое небо. Кольке начало осени всегда напоминало детские рисунки его младшей сестрёнки, которой ещё и трёх лет не исполнилось. Любила она карандашом поехать по бумаге, и получались такие рисунки, что нарочно не придумаешь. Колька тоже любил рисовать, но что бы ни начинал – всё равно у него получался военный корабль с орудиями и ракетами, разрезающий носом волны огромного океана.

Поездка на море оставила у него массу впечатлений, и он часто вспоминал могучие военные корабли в Севастопольской бухте и воображал себя адмиралом, стоящим в парадном мундире, с кортиком на специальном ремешке на капитанском

мостике. Да иногда перед глазами его вставала голубоглазая насмешливая девочка, которая могла бы встречать его на пирсе, когда он будет возвращаться из похода. К сожалению, он старше на целый год, а то они бы могли подружиться. Да и где её увидишь... Город большой...

Он как-то спросил отца, отдал ли тот фотографии дед той учёной тёте, матери Насти, но отец ответил своей любимой фразой: «Хорошо, что напомнил. Завтра позвоню» - и, конечно, опять забыл. Или не хотел вспоминать.

Но однажды под вечер, когда вся семья устраивалась перед телевизором, в их доме раздался звонок. К телефону подошла мать: по городскому звонили обычно её подруги. Подружки остались уже не так много, поэтому любой звонок ей был радостью.

- Слушаю, - бодрим голосом сказала мама.

- Здравствуйте, это говорит Самохина Ольга Ивановна. Можно пригласить к телефону Валентина Николаевича? Он обещал мне передать сохранившиеся у него от родителей фотографии города Мологи. Я хотела на них взглянуть. Может что-нибудь для книги отберу, - пояснила звонившая, сняв разные ненужные вопросы.

- Сейчас позову, - ответила мама и громким голосом позвала мужа: - Валентин, подойди к телефону! Какие-то фотографии ты обещал!

- Ну, вот, поваляться не дадут в воскресенье. Как не уйдёшь в поход, так обязательно кто-нибудь да разыщет, - недовольно заговорил Валентин Николаевич, соскользнув с дивана и удивительно точно попав ногами в стоящие на пол тапки.

Они говорили недолго. Валентин Николаевич уже почти забыл о своём севастьяпольском обещании и не ждал звонка. Извинившись, он сказал, что фотографии того времени в основном хранятся у его отца и дал женщине номер телефона, пообещав предупредить старика и попросить помочь.

- У него не меньше сотни снимков. Там и жители, и здания, и сценки из жизни Мологи. Отец будет рад с вами пооб

нитом. Он у нас и сам не чужд сочинительства, пятый год собирается писать мемуары о своих походах по океанам, да всё что-то отвлекает.

Хорошо. Я ему сейчас позвоню, – ответила Самохина.

Валентин Николаевич вернулся на свой диван, занял ту же позицию, что и до звонка, и начал читать книгу Тура Хейердала о путешествии по океану на плоту «Кон-Тики».

«Смелый был мужик, – думал он, – ничего не скажешь. На плоту через огромный океан... средства связи тогда были не то что сейчас, случись что – надеяться не на кого. А если шторм – страшно подумать!».

Итогом такого путешествия могла стать сценка из картины Айвазовского «Девятый вал», которая висела у них в официальной столовой. Видимо, для улучшения аппетита и создания бодрого настроения.

«Ну, теперь деду будет кому рассказать свои морские байки, – мысли Валентина Николаевича вновь вернулись на свою тему. – Да и старые фотки, может, пригодятся. Не зря Кошман прадед старался, чувствовал, наверное, что снимал свой горюшок для истории. Да, вот так взяли и утопили целый город. Но зато появилось Рыбинское море. И Волга в верхней части стала судоходной. Да и электроэнергия от ГЭС была кстати. В войну очень выручила, говорят».

Откуда ты знаешь эту Самохину? – прервав неторопливые размышления мужа, спросила жена. Вопрос давно уже вертелся у неё на языке.

Случайно познакомились. Она книжку какую-то пишет в нашем крае, – муж взглянул на озабоченное лицо жены и добавил: – Ей лет пятьдесят, не меньше, – преувеличил он лет на десять возраст севастьяпольской знакомой.

Жена сразу успокоилась и пошла на кухню, которую она, как ни странно, не любила, но что делать: не оставлять же голодным все семейство. Чувство долга было у неё сильнее нелюбви к готовке обедов и ужинов, не говоря уже о завтраках. Вся жизнь человеческая состоит из постоянной замены «не хочу» на «надо».

Валентин Николаевич, набрав номер своего отца, попытался вспомнить имя Самохиной, но так и не вспомнил. Да он и фамилию-то её не помнил. И когда дед поинтересовался, как её называть, он не знал, что и ответить.

– Вежливый ты у меня, сынок. Говоришь с человеком, что-то обещаешь, даёшь номер телефона, а имя даже не спросишь.

– Да ладно, мы же в Крыму познакомились. А там в моде «вежливые» люди, – засмеялся Валентин Николаевич. – Исправляй мою ошибку. Ты же моряк, а вы все говоруны: в море соскучитесь по людям, сойдёте на берег – и отводите душу в разговорах с первым встречным. Так что – флаг тебе в руки.

– Молчи уж. Ладно, пошёл к телефону, наверное, она звонит.

– Покажи ей фотки своего деда. Пусть наши предки в книжке покрасуются. В историю войдут!

– Войдут, если их туда пустят, – сказал дед и пошёл к городскому телефону. Пожилой человек хорошо усвоил за свою жизнь, что у истории простые люди проходят по категории «массы». Их дело внимать вождям. Они так и делают. До поры до времени.

Колькин дед был ещё не стар. Ну, в том смысле, что ходил без палочки, бороду дремучую не отрастил, был всегда подстрижен и подтянут, а его брюки так отглажены, что ими, как шутил отец, бриться можно. В общем, выглядел так, как и должен выглядеть морской офицер, даже если он в отставке и своё шестидесятилетие справил уже давненько. Как напоминание о его славном прошлом, где был даже один кругосветный поход на боевых кораблях, над диваном висел его морской кортик, который он обязательно носил, если надевал парадный мундир. Правда, это случалось не часто. Мундир был очень тяжёлый от висевших на нём медалей, орденов и всевозможных почётных знаков, которые дед заслужил.

Однажды, когда Кольке исполнилось восемь лет, дед е шутку надел на него свой китель, так у мальчика коленки подкосились от тяжести. Любил он рассматривать дедовы награды и представлял себе, как... Впрочем, мечты его были перемен-

кими: то в моряки, то в космонавты, то в учёные астрофизики. Единственное, кем он не видел себя, так это бизнесменом. И в семье к деньгам относились спокойно: хватало на жизнь, и хорошо. И не то чтобы им не хотелось бы жить побогаче, не в этом деле. Просто военные люди никогда не требуют от государства, которое они защищают, больше того, что оно может им дать. И Колька это хорошо усвоил.

Однажды он даже захотел стать поваром, когда увидел, как кондитер украшает свадебный торт: его готовили к свадьбе старшей сестры, студентки университета, которая на пятом курсе решила выйти замуж. Вышла она да домой уж больше не вернулась. Уехала жить сначала к мужу в этом же городе, но ненадолго. Вскоре молодая пара перебралась в Питер, по месту службы мужа, офицера Балтийского флота.

Эх, дед, дед, закрутил мозги девчонке своими рассказами. Иногда сетовала мать. Не хотела она для дочки судьбы офицерской жены, судьбы тревожной и непростой, с частыми перепадами да неустроенностью быта. Это она хорошо усвоила.

Тоскливо тогда было и у Кольки на сердце, а что поделаешь. Жизнь не остановишь, нет у неё стоп-крана, как у поезда. Дома без сестрёнки стало пустовато. С ней жилось как-то веселее, да и матери было проще: часть забот по хозяйству дочка, как чуть подросла, сразу взяла на себя. «И в кого она так пошла? – удивлялся отец в разговорах с женой. – Ты и шницли приготовить не можешь, а она в свои двенадцать уже шницли печёт».

Фирменным блюдом сестрёнки всегда был обыкновенный борщ, который она умела так приготовить, что дед с бабушкой обязательно к ним заходили пообедать. А к борщу ещё и украинские пампушки пекла. Вот за этим борщом с пампушками дед и рассказывал ей, какие замечательные парни морские офицеры: красивые, отважные и надёжные. И вскоре появился в их доме молодой и высокий морской лейтенант. Сначала как жених, потом как муж.

Он впоследствии признался, что как только отведал сестричиного борща, так и решил, что женится на ней. В общем,

оказалось, что борщ подействовал, как приворотное зелье из какой-нибудь сказки. Хоть верь, хоть нет, а так и было.

Как-то Колька, когда дед куда-то вышел, залез на диван и попробовал достать кортик из ножен. И совсем уж было добрался до него, но в это время зашла бабушка и так гаркнула на мальчика, что он слетел с дивана. И ко всему прочему на-ябедничала деду, а тот строго-настрого запрещал Кольке трогать оружие. В общем, после того случая дед куда-то спрятал на время кортик, но когда мальчик подрос и поумнел – ну, так деду показалось – повесил его на старое место. А наградной именной пистолет с надписью на рукоятке он хранил в специальном сейфе и показал его внуку только однажды, в День Военно-Морского Флота. Но в руки не дал.

К приходу посетительницы бабушка успела приготовить чай и достать старые альбомы и чёрные пачки с пожелтевшими фотографиями, на которых были изображены и их родственники, и люди, которых она уже с трудом могла вспомнить. Раскрыв первый альбом, она даже всплакнула, увидев надпись, выведенную в уголке аккуратным девичьим почерком: «Поздравляю с 17-летием, Наташа!».

Наташа – это была она. И ей было когда-то семнадцать лет. Колька с трудом мог себе представить такое, хотя бабушка, следуя своей привычке, следила за модой, всегда хорошо одевалась, выглядела моложе своих лет и продолжала работать.

Но как только первый внук появился на свет, так ей и присвоили это почётное звание: она стала бабушкой. А тут – семнадцать лет.

Поверить трудно. Но Колька на этом не заикливался особо. Для него окружающий мир был таким, каким он его видел, и более никаким. И бабушка в его понимании всегда была и будет его бабушкой.

Гостья вошла в дом, в прихожей сразу же, несмотря на протесты хозяев, сняла туфли и попросила сделать то же самое свою дочку, которая пришла вместе с ней.

– Извините, пришлось её взять с собой, она одна боится дома оставаться. Это с раннего детства у неё. А отец сегодня

и посылке, появится только вечером, — объяснила она, как бы оправдываясь перед хозяевами дома.

Ничего, ничего. Чтобы ей не скучно было, мы ей сейчас библиотека вызвоним.

Бабушка, никого не спрашивая, набрала номер и, дождавшись ответа, громко сказала:

Коля, живо к нам. Есть дело! — она нарочно не сказала какое, чтобы избежать ненужных расспросов.

Колька пытался отговориться, но бабушка живо его поставила на место. Это она умела. Педагог в детдоме — это вам не фрукт изюма! Так что спорить с ней — себе дороже, как говорил дед. Строгой была, а как без этого. Но с детьми умела ладить — и со своими, и с чужими. Её и слушали, и любили, и чуть побаивались.

Глава VI

Колька прибежал быстро — деда он любил, да и рассчитывал перехватить у бабушки что-нибудь вкусненькое. У бабушки для внука всегда было что-то припасено: то шоколадки, то пирожки свежие, то ещё что-нибудь. А когда он вошёл в комнату, где на диване около чайного столика, на котором расположились японские чашки из старинного сервиза, наполненные ароматным чаем, тарелка с дивным бабушкиным печеньем и ваза с дорогими конфетами, сидела его севастьяновская знакомая, он понял, что оказался в нужном месте в нужное время. И сердце его от волнения забилось быстрее. Честно говоря, он часто вспоминал Настю, но как её увидеть — не знал. Ведь тогда он даже не поинтересовался, в какой школе она учится. А тут — такое везение.

Здравствуйте! — искренне обрадовался Колька. И даже не попытался эту радость скрыть.

Здравствуй, Коля, — улыбнулась женщина. — Как ты вырос за эти полгода!

Да, на целый сантиметр, не меньше, — насмешливо заметила Настя, мельком взглянув на запыхавшегося мальчика.

Кажется, его радость от встречи она приняла за обычную вежливость.

– Ну, развлекай девочку, идите в мой кабинет, а мы пока делом займёмся, – сказал дед, и они с гостьей и бабушкой пересели за большой обеденный стол, заваленный старыми альбомами и чёрными пачками с фотографиями.

А Колька и Настя пошли в небольшой кабинет хозяина дома. Там мальчик стал показывать гостье различные сувениры, которые дед привозил из разных стран: от золотистой игрушечной венецианской гондолы до огромного, разрисованного диковинными узорами страусинового яйца из ЮАР. Но девочку кажется, это всё не очень занимало. Она с матерью и отцом уже побывала в Италии и в Греции и даже на далёкой Кубе. Так что все усилия Кольки удивить Настю не увенчались успехом.

Тогда он достал из шкафа свою любимую морскую энциклопедию с великолепными цветными иллюстрациями. И было на этих иллюстрациях всё: от греческих триер до современных авианосцев. И вот, как ни странно, эта тяжёлая как кирпич, книга заинтересовала гостью. Девочка с увлечением начала её листать, не обращая внимания на Кольку. А ему так хотелось поболтать, расспросить её о чём-нибудь, где там: уткнулась в книжку и молчит.

– А ты почему боишься одна дома оставаться? – решил он прервать молчание. – Мне бабушка сказала, что ты боишься. А я так запросто остаюсь и не боюсь ничего...

– И я не боюсь, – мгновенно отреагировала Настя. – Вот ещё! Просто дома одной скучно. Интернет надоел. Когда мама собралась к вам, я ей и сказала, что мне одной страшно дома. Интересная книжка. Я о разных путешествиях больше всего люблю читать. И вообще, вот бы постранствовать на машине времени, посмотреть, как вот эти греческие корабли выглядели на самом деле, побывать в древней Трое...

– А где это? – спросил Колька. – Я и не слышал о такой стране.

– Ты же должен был проходить Троянскую войну по истории Древней Греции. Хотя, может, это вы ещё не проходили.

Ну, не знаю. Что-то не помню. Может, болел, когда этот фильм изучали.

Троя – это город, с которым воевали древние греки. Среди них был Одиссей, греческий герой, потом он несколько лет после окончания войны скитался по морям, поскольку на него рассердился Посейдон, морской бог. И не давал ему доплыть до острова Итака, где он был царём.

А где эта Троя? – повторил вопрос Колька.

В Малой Азии. Сейчас это Турция. Мы с мамой и папой туда ездили, когда в Турции отдыхали. Нам даже показали место, где археолог Шлиман нашёл древние сокровища царя Гаян Приама. Эти сокровища, оказывается, у нас в России хранятся. Раньше думали, что они пропали.

Вот повезло этому археологу.

Да, но он несколько лет там вёл раскопки, пока отыскал Трою и сокровища. Я раньше думала, что Троя – это огромный город, вроде Москвы, раз его столько лет не могли взять греки. А он оказался совсем небольшим. Но все равно – интересно. Я когда вырасту, наверное, стану археологом. Попробую раскрыть тайну египетских пирамид. Я недавно читала в интернете, что пирамиды построили потомки атлантов.

А, я знаю. Где-то читал про Атлантиду. Но её же затопило. Как нашу Мологу, мне дед рассказывал.

Ну, Молога просто маленький городок, я видела фотографии у мамы, – парировала Настя. – А в Атлантиде была очень развитая древняя цивилизация. У них точно имелся сильный флот, а греки, наверное, у них и научились строить такие корабли. Посмотри, какие они красивые! Даже на картинках.

Да, они мне тоже нравятся. Я их часто рассматриваю. А мы на будущий год, наверное, в Грецию поедem. С дедом. Он хочет посмотреть на какую-то гору Афон, на Акрополь и на гору Олимп.

– А мы были в Греции и на Афон ездили. Правда, я его видела только с палубы корабля. Женщинам там нельзя сходить на берег. А экскурсовод рассказывал, что там людям

когда-то являлась сама Богородица. Это её любимое место на земле, потому что там живут святые люди, которые молятся за всё человечество.

– А ты её не видела?

– Кого?

– Богородицу, ты же там была.

– Ну, ты совсем без мозгов. Ничего не понимаешь. Её могут увидеть только особые люди. Так мне объяснили... А ты где-нибудь был, кроме Крыма? – перевела девочка разговор на другую тему.

– Мы только по нашей стране ездили. В июне, как учебный год закончится, дед обещал меня отвезти на Рыбинское море, пройти по нему на корабле. Он хочет на месте села, где жили наши предки, венки бросить в воду, так у моряков положено.

– А зачем в воду? Село что – под водой?

– Да, его когда-то затопили. А потом мы поедem на место последней битвы русских воинов с татаро-монголами. Там поле огромное, и памятник стоит. Я хочу с собой лопату взять, покопаюсь там, вдруг меч найду старинный или шлем. Я везучий на находки. Недавно на дороге пятьсот рублей нашёл.

– Счастливчик. А ещё говорят, что деньги на дороге не валяются, – насмешливо сказала Настя.

– Да они не на дороге были, а на траве, ну, на газоне, – простодушно ответил Колька, не понимая, что девочка просто пошутила.

– Коля, а меня твой дед может с собой взять? Я бы тоже съездила на поле битвы! Надо почитать, что там за битва была, я не слышала.

– Я расскажу, я читал. Это битва у реки Сити. А деда попросим. Он наверняка тебя возьмёт, он добрый... Да, хочешь посмотреть мою коллекцию? Я её уже два года собираю. Она у меня здесь хранится, у деда в кабинете.

– Марки, наверное, или какие-нибудь магнитики? – насмешливо спросила девочка, намекая, что Колька ещё мал, чтобы заниматься серьёзными вещами.

– Ты же археологом собираешься стать. А я во время походов с отцом кое-что уже нашёл! Почти всю коллекцию мы собрали, когда пошли в поход по берегу Волги. Мы нарочно выбрали такие места, где было малоллюдно. Вот, смотри, – мальчик открыл большой деревянный ящик.

– Камни какие-то, – разочарованно сказала Настя.

– Вот ещё – какие-то! – обиделся Колька. – Вот это ручное рубило, орудие труда древних людей. Мы его нашли среди камней на берегу. Там как раз накануне берег смыло, и он осыпался.

– А по-моему – просто острый камень!

– Нет, мы показывали его специалисту. Он определил места сколов – ну, там, где от камня отбивали куски, чтобы придать ему форму орудия. Видишь, вот здесь его можно держать в руках, удобно. А это – ударная часть, – со знанием дела рассказывал мальчик. – А это вот монетки. Смотри – 5 копеек 1903 года, а это – вот самая ценная находка – полтинник 1925 года, он серебряный, я его в воде нашёл.

– А что на него можно было купить?

– Не знаю.

– Дорого стоит, наверное?

– Наверное, он же серебряный. Мы там ещё крестик нашли медный. Но отец не велел его брать. Пусть, сказал, остаётся там, где лежит.

– А вдруг он утопленнику принадлежал?

– Вот папа так и сказал... – они немного помолчали.

И Колька, который уже исчерпал все возможности развлечь девочку, задал вопрос, который обычно задают при первом знакомстве, а не тогда, когда человек и знает, кем ты хочешь стать, и посмотрел твои заветные находки: – Настя, а как твоя фамилия? Ты не говорила.

– Речкина. А у мамы теперь другая фамилия – Самохина.

– Как это? – не понял Колька.

– Ну, мой родной отец с нами не живёт. У него теперь другая семья. А мама снова вышла замуж и сменила фамилию. А я попросила оставить мне отцову, она мне больше нравится.

– А почему отец-то твой ушёл? Ругались, что ли?

– Нет, папа у меня работал в полиции, начальником каким-то. Вечно пропадал в командировках, ночью его часто вызывали на работу, а мама учёный, доктор наук, в университете преподаёт, книжки пишет. В общем, как папка сказал, – им обоим некогда, времени нет на семейную жизнь.

– А ты с ним видишься?

– Редко. У него ещё одна дочь есть, совсем маленькая.

Кольке показалось, что на глазах у девочки появились слёзы, но она отвернулась, чтобы взять с полки какую-то книжку, а когда повернулась лицом к мальчику, слёз там не было в помине.

– Как долго они там занимаются. Я сегодня ещё в кино хочу пойти с мамой.

– А мне не с кем ходить, – пожаловался Колька. – Ни мать, ни отец в кино не ходят. А с ребятами не пускают. Говорят, что голливудской дряни и по телику полно. Зато они иногда в театр выбираются, а меня или с собой берут, или на вечер к деду – в ссылку, в Шушенское!

– В какое Шушенское? – не поняла девочка.

– Дед так шутит. Так село в Сибири называлось, где Ленин в ссылке был.

– Ленин – кто это? – переспросила девочка. То ли делала вид, что не знает этой фамилии, то ли действительно не слышала о нём, то ли забыла.

– Да мы ещё не проходили его по истории. Но дед его часто вспоминает. И всегда хорошо! Говорит, что это был вождь. Ну, как у индейцев.

– Дети, идите сюда, мы вас ждём, – услышали они голос бабушки. Оба быстро встали и вышли из кабинета деда.

Когда они вошли в гостиную, дед заканчивал рассказывать писательнице очередную байку, но не из морской жизни – что в ней понимают сухопутные люди – а из обычной. Дети застали уже конец истории, которую Колька знал, ещё до того, как у его старшей сестры родилась дочка – а его стало быть, племяшка Маша.

- Да, удивительно. Приснилась она мне совсем крохотной, ну, как Дюймовочка из сказки. Сидит, и головка опущена, и я не вижу её лица. Ну, я и говорю: «Посмотри на меня, подними головку». А она улыбнулась мне и отвечает: «Я стесняюсь». Но ни секунду всё же головку подняла, правда лица я не запомнил. А утром звонят дети, говорят: «Поздравляем, у вас ещё одна внучка родилась». Вот и думай что хочешь. Чудеса.

- Ладно, хватит, давай о деле говорить, а то людей задерживаешь, – прервала словоохотливого мужа жена.

- И то правда, а всё-таки удивительно. Познакомилась со мной внучка ещё до рождения. И сейчас, когда увидит – всё время мне улыбается. Жаль только, живёт она далеко. Ну, когь вот Колька рядом... Ты как, все свои сокровища Насте показал?

- Все.

- Ну и хорошо. Начнём.

Глава VII

Первым делом бабушка усадила детей за чайный столик и стала угощать их своими вкусняшками. Девочке понравилось печенье, которое бабушка готовила по старинному рецепту, доставшемуся ей от её бабушки. Секрет своей выпечки она хранила в тайне. Наверное, поэтому печенье было таким вкусным – язык проглотишь, как говорят в народе. Однако Колька шлёт на любимые пироги с мясом. С ароматным чайком они шли особенно хорошо, так хорошо, что Колька и не заметил, как опустошил половину тарелки, где лежали эти румяные, похожие на игрушечные лодочки бабушкины изделия.

Девочка, заметив Колькин аппетит, только и сказала:

- Маленький-маленький, а куда в тебя столько пирогов вошло? Надо науке разбираться.

- Ничего, всё на пользу, а ты бы, детка, тоже попробовала, а то он живо и вторую половину умнёт, – улыбнулась бабушка.

– Нет, спасибо, я стараюсь мучное не есть, – серьёзно как взрослая, ответила гостья, продолжая при этом спокойно грызть печенье.

– Худеешь, что ли? – удивилась бабушка. – Так ты и без этого – как берёзка в поле.

– Нет, просто не хочу быть толстой. А от пирогов толстеют. Правда, мама?

– Знаешь, Настя, есть надо то, что хочется, ну, и то, что есть на столе. Просто и без затей, которые тебе в интернет подбрасывают. Ну, ладно, поели, давайте-ка сюда, Никола! Валентинович нам снимки покажет старинные. Вам полезно на них взглянуть.

На обеденном столе были разложены не меньше сотни пожелтевших фотографий, извлечённых из чёрных пакетов старинных альбомов.

– Ну, выбирайте, – сказал дед. – Я прокомментирую, по сколько эти снимки знаю с детства, мой отец любил их рассматривать и рассказывал мне о том, что и кто там изображён.

– Ваш сын рассказывал, что, возможно, сохранилась фотография свадьбы вашего деда. Он мне рассказывал забавную историю о мальчике и девочке в каком-то селе на ярмарку. Когда они выросли, их якобы повенчал священник из села название которого начинается на букву «Л». Я думаю, что это Лацкое. Меня очень интересует батюшка из этого села. Потом объясню, почему.

– Да, где-то была такая фотография, надо поискать. Он неважного качества, дед-то сам позировал, а фотографировал кто-то другой. Сейчас поищем. А в батюшке ничего особенного: габаритный мужчина с большой бородой. Я такие бороды только в театре видел, когда смотрел пьесы Островского.

Они начали перебирать фотографии, при этом Никола Валентинович время от времени комментировал: «Это центральная улица Мологи, это дом купца, это лавки, это трактир, здесь школа и группа учеников с учителями».

– Взгляните, – говорил он, протягивая очередную фотографию, – сильно ли отличаются школьники того времени с

выпущенных детей? Одень их по-современному да причеши, и никто не скажет, что эти мальчики и девочки из позапрошлого века.

- Ничего подобного, – опять проявила характер Настя. – Посмотрите, какие они все хмурые, никто не улыбается, как будто они чего-то боятся. Да и одеты все плохо, кое-как. У нас их бы в таком виде и в школу не пустили.

- Не говори ерунду, – осадил её мать. – Нормальные дети, только, наверное, они фотографировались первый раз в жизни. Вот все и напряглись. Я, пожалуй, это фото заберу у нас на время, сделаю копию. Оно хорошо впишется в текст книги. А одеты они так потому, что тогда покупка простой рубашки была целым событием в крестьянских семьях. Люди жили не богато, а то и вовсе в бедности. Есть иногда нечего было! Знаете, – продолжила она, обращаясь к деду, – мне вообще хотелось бы показать в книге не доски и брёвна в виде домов и лабазов, а живых людей, их лица. Ведь это наши предки. Странно звучит применительно к этим ребятишкам на снимке, не правда ли?

- Вот ещё одна интересная фотография, – сказал дед, вытравив пожелтевший снимок, с которого строго смотрел на потомков бравый военный. – Местный полицмейстер в мундире и с медалью.

- А полицмейстер – это кто? – спросил Колька.

- Ну, что-то вроде начальника районной милиции, ой, забыл совсем, полиции, – пояснил дед. – Колоритный товарищ. Какой-то хороший знакомый деда моего, иначе зачем этот снимок хранить?

- Усы как у Будённого. Тоже может подойти! А это что за солдаты? С крестами!

- Это уже во время Первой мировой войны снимали. Видно, на побывку солдаты приехали. Вот этот – Георгиевский кавалер, герой. А кто он – я не знаю. Тоже, видно, приятели деда... А вот и свадебная фотография, вот она! Вот дед, рядом бабушка. Лицо плохо видно, резкость не навели как следует... А рядышком, вот, чуть в стороне, тот самый священник. Ох и борода!

Женщина долго рассматривала снимок, а затем почему-то тихо произнесла:

– Не может быть, вот так удача.

– А что такое? – спросил дед. – Вроде ничего особенного жених, невеста, церковь и батюшка. Полный комплект.

– Это необычный батюшка, вот в чём дело. Если это, конечно, он. Надо ещё проверить. Снимок действительно нечёткий. Но это точно село Лацкое?

– Да, это оно, я точно знаю. Мы туда недавно с Колькой заезжали. Этот батюшка деду и бабушке моим когда-то и предсказал, что они не зря тогда встретились, так и получилось.. Так что же там всё-таки необычного?

– А время это какое? Когда снимок был сделан? До революции или после? – снова спросила женщина, так и не ответив на вопрос.

– Году в 1912 или 1913, я точно не знаю. Но до Первой мировой войны. В четырнадцатом году дед был мобилизован и ушёл на фронт, а вернулся в 1916 году, по ранению. Болел долго, а потом ушёл опять служить, уже в Красную Армию стал командиром. С тех пор у нас так и повелось. Мужчины становятся офицерами или идут на госслужбу. В нашей семье люди, что называется, «государевы».

– Да, всё совпадает! У вас есть сейчас время съездить с мамой? Тут недалеко, я вам кое-что покажу. В истории вашей семьи было очень заметное событие, которым можно гордиться. У меня машина внизу. Ну, едем? Не пожалеете!

– Ну, вы нас заинтриговали.

– Так что, съездим? – обратился дед к жене и Кольке.

– Нет уж, увольте. Вы поезжайте, а я детьми займусь, торопливо ответила хозяйка дома.

– Детям полезно тоже там побывать. Собирайтесь, ребята, – сказала Самохина.

Ребятам не очень хотелось куда-то ехать, но Колька был мальчик сговорчивый, а Настя... Не оставаться же ей одной в чужом доме. И они поехали.

Глава VIII

Через несколько минут машина Самохиной катила по городским магистралям. Правда, магистралями их можно назвать лишь с натяжкой. Автомобиль то проваливался в ямки, то подскакивал на невидимых ухабах. Словом, гонки по дорогам вроде этой исключались, но ведь ещё Николай Васильевич Гоголь писал: «Какой же русский не любит быстрой езды?». В общем, машину, в которой ехал Колька со спутниками, обгоняли все, и только один чёрный Volkswagen с немецкими номерами дисциплинированно ехал с городской допустимой скоростью, держа приличную дистанцию.

– Да, кроме нас – один правильный водитель. И тот – немец, – вздохнул дед.

– Ну, сейчас вроде можно номера не менять, – возразила Самохина, – просто зарегистрировать машину. Так, может, тем тоже наш гражданин, только Гоголя не читавший. Двоечник бывший. Не знает, что надо любить быструю езду.

– Может быть, может быть, – протянул дед. – Только немец он или не немец, а молодец. Все бы так ездили, аварий бы потти не было.

– А по-моему, – вмешалась Настя, – это просто новичок и боится нас обогнать. Отец тоже так ездил, когда учился водить. Помнишь, мама? Зато сейчас гоняет!

– И такой вариант возможен, – засмеялась её мать и чуть прибавила скорость, поскольку начался отремонтированный участок дороги.

– А вам не приходилось бывать в Германии? – спросила она своего соседа после недолго молчания.

– Только в бывшем Кёнинсберге – в Королевском городе. В Калининграде, в общем.

– И какие у вас впечатления?

Странный город, какая-то архитектурная мешанина получилась. Но всё равно, русский дух там уже чувствуется. Пикетажки времен Хрущёва ясно показывают, кто в доме хозяин.

– Не потребуют его немцы назад, как японцы острова? Как думаете?

– Не для того воевали. Сколько там наших солдат полегло. Так что больше оттуда к нам враг не придёт. Баста! Там всё прочно!

– Надеюсь.

– Когда я там был, – разговорился дед, – мне пришла в голову вот такая мысль. Там в центре, на горе, стоит недостроенное здание, я не знаю, что там, может, кстати, уже его и достроили. Но тогда – одни руины. И я подумал: наши предки когда победили Наполеона, за несколько десятилетий возвели в Москве храм Христа Спасителя. Вот бы и нам к 80-летию Победы возвести Храм, да не где-нибудь, а в Калининграде. На земле, откуда к нам приходили войны. А деньги на его строительство собрали бы быстро. Почти каждая семья пострадала от войны – что у нас, что на Украине и в Белоруссии.

– Тогда уж надо там возводить и мечеть, и синагогу. Воевали-то все: и православные, и мусульмане, и иудеи. Враг был общий. Хотя идея умная. Может, создадим инициативную группу, а? Вы да я. Да Коля с Настей.

– Может, и создадим, – неожиданно серьёзно ответил старый моряк. – Подумаем.

– Ну вот, почти и приехали! – сказала Самохина. Впереди возвышалась небольшая церковь, мимо которой Коляка ни раз проезжал с родителями или с дедом.

– У меня в тех краях забавный эпизод был, вроде ничего особенного, а запомнился, – дед на секунду задумался, а потом продолжил: – Мы с женой отдыхали в небольшом прибалтийском городке во флотском пансионате для старшего и высшего командного состава. Поправляли здоровье там восемь или девять адмиралов с жёнами и детьми и я, единственный капитан 1-го ранга, полковник, чтобы вам понятней было. Был самый разгар лета, июнь, а в воздухе вечно какая-то дымка, и море Балтийское холодное, в воду можно зайти только по колено и сразу назад. Идеальные условия для «моржей». Ноги стынут. В общем, не юга! Ляжешь на песок – тепло, чуть встал – холод

но. На пляже особенно делать нечего, полежал немного, замёрз и пошёл к себе, поэтому большую часть времени мы либо гоняли на велосипедах по городу, либо на экскурсии ездили. Правда, было ещё одно развлечение – искать янтарь на берегу. Особенно после шторма. Каждый день бродил я по берегу, чуть до Лютони не дотопал, уже видел вдали их ветряки, зрение у меня тогда было приличное. Искал-искал, но ничего не нашёл. Ни одного даже крохотного камушка. Ну, и решил купить янтарное ожерелье для жены в обычном магазине, раз уж на море не собирал солнечных осколков. Иду, ищу какой-нибудь подходящий магазинчик, а мимо меня шествуют не торопясь два опрятных, хорошо одетых старичка – муж с женой, лет по 80, не меньше. Но глаза живые, не стариковские, с интересом рассматривают небольшие домики под красными черепичными крышами, утопающие в цветах. Около каждого домика там чудные цветники разбиты. Приятно посмотреть. Возникает ощущение какого-то вечного праздника. Мы с сыном любимемся цветниками, а старички останавливаются около меня и на ломаном русском спрашивают: «Как пройти на улицу Октябрьскую? Всё так изменилось...». «Извините, – говорю, – не подскажу. Мы сами только сюда приехали». «Мы из Германии, – поясняет старушка. – Приехали посмотреть на наш старый дом, где мы жили в детстве».

Муж её при этом молчал. А я подумал, что он, наверное, призывался в 1941 году и, скорее всего, воевал с нами. А теперь старый, тихий и неопасный.

«Извините, – ещё раз ответил я, – не знаю, – и повторил: – И приезжий». «Здесь все приезжие», – сказала старушка-немка. «А откуда русский знаете?» – не утерпел я. «В школе учили. Мы же из бывшей ГДР. Дважды нас родины лишили».

Они пошли не торопясь дальше искать свой старый дом. А немец – призывник 1941 года – так и не проронил ни слова. И тогда подумал, что, когда кто-то зарится на чужой дом, всегда рискует потерять свой.

– Тебе было их жалко? – спросил Колька деда.

– Пожалуй что нет. Им пришлось расплачиваться за безрассудство своих правителей. Но в этом безрассудстве есть и часть их вины. А вот ГДР – уже наш кошмар. И их тоже.

– Да, но простые люди волей-неволей вынуждены подчиняться, – напомнила известную истину женщина.

– Пытаетесь оправдать их?

– Да нет, просто хотя бы понять.

– Ну, понять – значит простить. А то, что они в войну угробили двадцать шесть миллионов наших граждан? Простим? И гибли-то в основном мирные люди. А что творили они на оккупированных территориях! Недавно один тип, у которого проблема с совестью, опять решил напомнить о себе. И начал публиковать свои домыслы о подвиге Зои Космодемьянской. И я, может впервые, осознал, что она же была совсем ребёнком на несколько лет старше Насти, девочка 18 лет, которая совершила подвиг во имя Веры в Победу. Мы же хорошо помним что с ней сотворили немецкие солдаты. Когда представил – что это было в реальной жизни... Недаром Сталин приказал не брать в плен солдат из дивизии, опозорившей себя такими зверствами! Я бы, моя воля, причислил её к лику святых. Она и была, наверное, святой, хотя и атеисткой. Кто знает, может в душе и верила в Бога. Она настоящая святая. Для народа!

После этой речи старого моряка все как-то притихли слышались только звуки, которые издавал нескончаемый транспортный поток.

– Интересно, – никак не мог остановиться дед Кольки, – когда ехали с побережья в Калининград, мы очень спешили опаздывая на поезд. За рулём сидел прапорщик. Я его спрашиваю, нельзя ли прибавить скорость? Он отвечает на полном серьёзе: «Можно, но побаиваюсь последних солдат вермахта». «Вермахта? – переспросил я. – И где же вы видите этих солдат?». «Да вот они, вдоль дороги стоят, – кивнул прапор в сторону высоченных тополей, стоящих в две шеренги по краям шоссе. – Эти деревья ещё при немцах посадили. Шоссе узкое, и машины на скорости часто врезаются в эти тополя. Ну, их и прозвали “последними солдатами вер

михта». Продолжают с нами воевать. Народу здесь много и бьётся, и гибнет. Мы ж русские, мы тихо ездить не умеем».

– А бусы янтарные вы купили? – спросила старого моряки Настя, немножко напуганная рассуждениями деда о войне, которая была, оказывается, не только в книгах.

– Конечно, купил. Шикарные, из тёплого тёмно-коричневого янтаря. В одном камушке даже был виден комар, живший на земле миллионы лет назад. Но жена это комариное ожерелье так ни разу и не надела. Как оказалось, янтарь – не её камень.

– Ну, вот, приехали, – сказала Ольга Ивановна, останавливаясь возле небольшой недавно отремонтированной церкви.

– Нам что, сюда? Мы как-то заходили в этот храм на Крест Животворящий взглянуть. Его, по преданию, обнаружили в XIV веке. Это и подвигло людей здесь храм построить. Мне рассказывали эту легенду. Да и книжки об этом случае шансны.

– Я знаю, – заметила женщина, – но показать вам хочу нечто другое, пойдёмте внутрь.

В храме народу было немного, служба уже закончилась. Несколько человек стояли возле старинного деревянного креста и сосредоточенно молчали: то ли молились про себя, то ли размышляли о чём-то важном. Место здесь было как раз подходящее для того, чтобы понять что-то такое, что до сих пор понять человек не мог.

– Вот, идите сюда, за мной, – женщина прошла в угол храма, где стояла рака с мощами какого-то святого, а над ней вышлась икона из разноцветного стекла. – Взгляните на лицо святого, никого не напоминает? – спросила женщина у деда.

Тот долго разглядывал икону, которая, по сути, походила на портрет человека, даже не портрет, выполненный живописцем, а на фотографию.

– Невероятно, это кто, тот самый священник из Лацкого? Один к одному – или я ошибаюсь? Хотя... вы же нас не зря

сюда привезли, – задумчиво сказал бывший моряк, разглядывая икону.

– Да, это он. Давайте постоим молча, я вам потом расскажу о нём, если захотите.

Взрослые и дети постояли несколько минут, думая о чём-то своём, а затем молча покинули храм.

«Вот так история, – подумал Колька, – надо же. А мы и не знали. Святой, оказывается, жил недавно и не был ни полководцем, ни флотоводцем! Чудно!».

Притихшие, все сели в машину и вскоре ехали по той же дороге обратно.

– Я вас к дому доставлю, не беспокойтесь, – сказала Ольга Ивановна.

– Так давайте зайдём к нам, договорим, – предложил дед.

– Извините, сегодня не могу. Мне вечером ещё лекцию читать. Фотографии я отобрала, с ними поработает мой коллега сделает качественные копии, и я завтра вам их верну. В книге обязательно будет снимок священномученика Любомудрова который вы мне передали. Вместе с вашими предками.

– Ловлю на слове. Но, надеюсь, завтра вы нас просветите в отношении этого святого. Хотелось бы узнать о нём поподробнее. А какая фамилия богатая, а? – восхитился дед.

– Да, фамилия громкая, говорит сама за себя. Если на латынь перевести – Философов.

– Надо же, брак моей бабки благословил человек, причисленный впоследствии к лику святых. Думаю, это событие и на нас, и на наших детях как-то отразилось. В общем-то, все были достойные люди – военные, инженеры, врачи, есть даже один астрофизик, он в Питере живёт. Мы его с детства звездочётом звали. Давно что-то не звонил. А как позвонит – ни с чем другом говорить не может, кроме как о своей работе. Видит среди звёзд и миров иных.

– Я его один раз спросил, видел ли он в телескоп Бога, встрял в разговор Колька. Он по малости лет действительно однажды задал такой вопрос своему дядьке, который весь вечер показывал им на планшете снимки различных звёзд, планет

гуманностей, сделанных знаменитым телескопом «Хаббл», запущенным в космос, где ему ничто не мешает разглядывать далёкие миры. Говорят, он даже разглядел край Вселенной, где уже нет ничего. Вообще ничего! Хотя наверняка и там есть что-то! Родственник только рассмеялся тогда и ответил, что Бога увидеть нельзя, зато с ним можно поговорить с помощью молитвы или просто обращением к нему мысленно.

– А кто же тогда на иконе? Разве это не Бог? Мать говорит, что это Бог, – спросил тогда Колька, не любивший неясности.

– Ну, это наше представление о нём, это образ, он помогает человеку разговаривать с Богом, – пояснил астрофизик. – Это сложные вопросы, вырастешь, может, сам найдёшь ответ. Или поищешь в умных книгах. Помнишь песенку про весёлый ветер: «Кто ищет, тот всегда найдёт». Хотя ты эту песню вряд ли знаешь. Это мелодии нашего детства.

Вскоре они подъехали к дому деда. Ольга Ивановна с Настей попрощались и уехали, а Колька вернулся к себе домой. Конечно, в церкви было интересно, и узнал он кое-что новое, но главное – он опять встретился с Настей, которую частенько вспоминал. Да и она его, кажется, не забыла. И это мальчика по-настоящему обрадовало.

«Надо деда уговорить взять её с нами в поездку по Рыбинскому морю и к месту битвы. Может, мы с Настей там найдём что-нибудь интересное, она же собралась стать археологом. Может, и мне туда податься? Как школу закончу. Вместе бы учились, в одном институте», – думал вечером Колька.

– Коля, иди ужинать, – услышал он голос матери, которая давно уже звенела кастрюлями и тарелками на кухне. – Мой руки и за стол. Уроки на завтра приготовил?

– Да.

– Сейчас проверю!

«Не страшно», – подумал Колька и пошёл в ванную. Мыть руки, вернее ладошки, ему не хотелось. Ведь когда они прощались, Настя протянула ему свою ладошку, маленькую и тёплую. И это рукопожатие, пожалуй, останется с ним навсегда,

как что-то хорошее и радостное, что часто случается в детстве. И редко когда предаётся забвению. А вода... что ж – вода возьмёт и смоев всё это тепло с руки. Как когда-то взяла и смыла целый город – Мологу.

Глава IX

Недаром говорят: человек предполагает, а Бог располагает. Встреча на другой день не состоялась из-за болезни Ольги Ивановны, которая где-то сумела подхватить грипп.

– Ну, что делать, так получилось, – сказала, позвонив утром по телефону, Настя. Разговаривал с ней Колька, который в это время как раз бездельничал дома, думая, чем заняться: сесть за компьютер или перекусить чем-нибудь. Не хотелось ни того, ни другого, поэтому он просто валялся на диване. Потом всё же решил, что можно перекусить.

Во время разговора Колька, дожёвывая бутерброд с колбасой, спросил у девочки:

– А что за книгу пишет Ольга Ивановна? Она что – историк?

– Нет, это её хобби... «Исчезающая Россия», – вероятно, повторяя слова матери, ответила Настя.

– А чего это она исчезает? Что-то не похоже, – решил пошутить в ответ мальчик.

– Ну, это о тех городах, которые исчезли с карты нашей страны. Например, Рязань! Или Молога. Таких мест немало.

– Как это? – не понял Колька. – Мы в Рязани с отцом были позапрошлым летом. Стоит себе, никуда не исчезает!

– Это уже не тот город. Старую, настоящую Рязань сожгли татаро-монголы в 1238 году, – проявила блестящие знания истории будущий археолог.

– Надо же, я и не знал. Ну, а с Мологой – всё понятно! Мне ещё бабушка рассказывала. Её мама была родом оттуда. Им объявили, что их село – Никольское – будет затоплено, и они должны переехать в Рыбинск. Их дом разобрали и по

Полге вплавь доставили на место, а там снова собрали. Но бабушка говорила, что дом стал меньше после путешествия по реке.

- А почему?

- Не знаю. Может, от воды. Его ведь как плот везли.

- Ну, ладно, мне надо маме лекарство принести. Я позволю, как у нас всё наладится, хорошо?

- Хорошо, – ответил Колька. А он так надеялся снова увидаться с Настей. Да и поговорить им теперь было о чём, несмотря на год разницы. Когда они разговаривали, этого года как будто и не было.

Послonyaвшись ещё по комнатам, он взял свою любимую книгу «Приключения Тома Сойера».

Книга эта была особенной. Обложка у неё была затёртой, уголки оторваны, что там написано – разобрать уже невозможно. Да и кое-какие листы отсутствовали. И всё равно мальчик любил читать именно эту книгу. Дело в том, что дата её издания, обозначенная как 1937 год, вместе с непонятным словом «Детгиз» вызывала почти благоговейное чувство. Ему как-то подарили новое издание – 2017 года, так он не мог его читать. Всё там ему не нравилось, даже шикарные цветные иллюстрации. Нет, точно говорят: есть «начитанные» книги. Их читали ещё бабушки и дедушки, ваши папы и мамы, когда были такими, как вы. И что самое удивительное – они действительно были такими же, как вы. Хотя в это трудно поверить. Такие «начитанные» книги – как иконы «намоленные».

Перечитав своё любимое место – как Том Сойер и Гек Финн нашли клад с кучей золотых монет и сразу разбогатели, Колька размечтался, отложив книгу в сторону: «Вот поедем на поле битвы, там наверняка можно найти клад, стоит только покопаться. Вдруг повезёт. Начну копать, а лопата упрётся в деревянную крышку сундука, я его откопаю, а там...».

Колька не успел придумать, что он там найдёт. В передней раздался звонок, и он побежал открывать дверь. Оказалось, что это мать пришла с работы, как всегда увешанная пакетами, из которых выглядывали длинный багет и несколько стрелок чах-

лого зелёного лука, выросшего под электрическим освещением. Мать начала готовить ужин, а Колька включил телевизор, чтобы скоротать время в ожидании отца. Ему хотелось поговорить с ним о поездке на Рыбинское море и попросить его уговорить деда взять с собой Настю. Дед может и заупрямиться, ведь он едет туда по делу, а тут едва знакомая девчонка, о которой надо заботиться, следить, чтобы что-нибудь с ней не случилось. Да, решил Колька, пусть Настя возьмёт с собой и Ольгу Ивановну. И веселее будет, и забот никаких. Жаль, отец не сможет с нами поехать. Вот было бы здорово, но, наверное, не получится. Ему опять какая-то командировка предстоит. На всё лето почти. Отец не говорит куда, а мать беспокоится. Она на днях прямо спросила отца: неужели в Сирию? Тот рассмеялся в ответ, но место, куда уезжает, так и не назвал.

Глава X

А на Рыбинском море, куда они собирались, дед Кольки побывал ещё в студенческие годы. Да не просто побывал.

Он излазил все доступные места по берегам Рыбинского водохранилища. Не забирался только в болотистые дебри, кишевшие гадюками. Этих тварей, готовых тяпнуть за ногу, если ты случайно на неё наступил, он терпеть не мог.

В те годы он, как и многие молодые люди, увлёкся историей, хотя учился в одном из технических вузов Ленинграда – сейчас Санкт-Петербурга. На лето он устроился на работу в Русский музей, чтобы немного заработать для поездки на настоящее море – Чёрное. Балтику он не любил: и море холодное, и штормит всё время. Ему поручили поехать по заповедным уголкам родного края и приобрести для музея образцы старинной праздничной женской одежды, завалявшейся в бабушкиных сундуках. В те далёкие годы страна вновь стала интересоваться своим прошлым.

Деревенские жители – люди особые, они никогда старую одежду не выкидывают, вдруг ещё пригодится когда-нибудь

и положат в сундук – там она и лежит. Иногда и по сто лет. И ждёт своего часа. Выделили Николаю деньги на покупку – так просто редко кто отдаёт эти реликвии. Всё же память о дедушках и бабушках. Даже за память приходится платить. Но за беспамятство приходится платить больше, особенно если люди забывают, откуда они родом и кто их предки.

Студент сначала поехал в Борисоглеб, где решил поискать помимо древних платьев что-нибудь новое о жизни Пересвета, монаха-воина, который во время Куликовской битвы сразился с монгольским богатырём Челубеем.

Ещё в детстве этот русский герой поразил его воображение. Дед Кольки перечитал множество книг о битве, где русское войско наголову разгромило хана Мамай. Именно тогда он вычитал в тоненькой книжечке о путешествии в Китай рассказ о том, как русские учёные попали в Тибет и там от местных монахов узнали, что им знакомо имя Пересвета. Из той книжечки следовало, что монгольский воин был тибетским монахом, хорошо владевшим боевым искусством. А наш поединчик, монах Пересвет, как там говорилось, впервые взял в руки копьё и тем не менее на равных сражался с противником. И именно с тех пор имя Пересвета известно в этих таинственных краях. Хотя, может, это просто красивая легенда.

Целую неделю собиратель ходил по деревням и выпрашивал стариков о старинных легендах – сказаниях о Пересвете, но не нашёл ничего нового. Правда, купил в какой-то деревеньке хорошо сохранившийся праздничный наряд девушки-невесты, но это была почти единственная удача. Остальные приобретения были менее успешными.

А потом он на небольшом пароходе пошёл по Рыбинскому водохранилищу до села Гаютино, откуда и начал своё путешествие по Пошехонскому краю, который пощадила вода.

Недаром в народе до сих пор сохранилась поговорка, что Пошехонье – край чудес. Первое чудо, с которым столкнулся студент, было коробкой настоящих французских конфет в магазине потребительской, куда он заглянул купить себе провизии на дорогу. В те времена увидеть французские кон-

феты в глухом городишке, где полки магазинов демонстрировали абсолютную скромность, было событием невероятным. Он не поверил своим глазам и, не раздумывая, потратил на их приобретение баснословную сумму – 5 рублей! В те времена студент мог жить на эти деньги неделю. Именно из-за этой дороговизны сельские жители и не обратили внимания на французское изысканное лакомство, предпочитая дешёвые карамельки-подушечки. Рассмотрев коробку, он решил попробовать конфеты, чтобы почувствовать вкус волшебной страны Франции, которую у нас всегда выделяли из всех западных стран, как более или менее дружественную. О нашествии Наполеона в прошлом веке все уже подзабыли, даже храм Христа Спасителя, построенный на всенародные деньги в честь победы над французской армией, снесли в суровые тридцатые годы.

Восторга парень не испытал, советские конфеты были не хуже, но коробка, где эти конфеты хранились, стоила пятёрки. Оставшимися конфетами он потом, как вернулся, угостил своих приятельниц – студенток, наврав им, что привёз их из Парижа, куда он якобы ездил летом. Видели бы девушки этот Париж, состоящий из старых деревянных домиков с полуразрушенной церковью посередине...

Проехав водой на дымном пароходике над затопленной Мологой, где когда-то жили его предки, он прибыл в конечную точку своего путешествия и занялся там тем, зачем сюда прибыл: стал ходить по деревням и беседовать с аборигенами, пытаясь разыскать стоящие экземпляры старинной русской одежды.

Край тот был далёкий, забытый, даже электричество проведено не везде. В одной деревушке, в доме, где он заночевал, вечером хозяйка зажгла светец с лучинами, когда пропало электричество, свечек у неё не оказалось. Светец – это кованая металлическая державка для лучинок. Именно их отщипнул от полена постоялец, за что и получил кружку молока да ломоть хлеба. Чтобы не остаться в долгу, он угостил бабушку

французской конфетой, которую та тут же убрала в шкафчик, висевший на стене.

В доме у старушки половину горницы (большой комнаты) занимал старинный ткацкий станок, но не как музейный экспонат, а как орудие производства. Хозяйка ткала на нём длинные холщовые полотенца с затейливым старинным рисунком в виде петухов. Оказалось, что эти полотенца у неё охотно покупают жители соседних сёл и деревень. В те времена народу там жило много. Край ещё не обезлюдел, как сейчас.

Утром, поторговавшись со скуповатой хозяйкой, он купил у неё древнее платье, которому, по его расчёту, было около 150 лет. И это была настоящая удача. Платье было нарядным, хотя вышивки поблекли, и ткань потускнела от времени. Видно было, что сшито оно настоящей мастерицей, которая потратила не один день на создание этого шедевра. Довольный покупкой и хорошо выспавшийся, он рано утром вышел из своего приюта на светлую деревенскую улицу, утопающую в кустах белой сирени, и пошёл на запах хлеба, который буквально пьянил голову. На окраине деревни, рядом с избой, над которой развевался красный флаг, в небольшом опрятном домике с резными, разукрашенными в разные цвета ставнями, располагалась крохотная пекарня. После долгих уговоров деду всё же продали огромный, ещё горячий каравай чёрного хлеба, который он почти весь и умял прямо около пекарни. Бабка, хоть и была скуповатой, дала ему с собой бутылку молока. Причём бутылку отдавать ей было жалко, а молока было много, девать некуда. Так что завтрак у деда был – что надо, нормальный деревенский завтрак.

Домой путешественник возвращался с богатой добычей – несколькими праздничными нарядами деревенских барышень, живших ещё во времена крепостного права. В их русоволосые головки вряд ли приходила мысль, что когда-нибудь платья, сшитые и украшенные их матерями долгими зимними вечерами при свете лучины, могут стать экспонатами одного из лучших музеев России.

Новоявленному коробейнику пытались продать и старинные орудия труда – разные прялки, маслобойки, сделанные целиком из дерева, какие-то горшки для хранения молока, но он пожалел себя: тащить это всё на себе было тяжеловато, а трактора у него не было. Да что там трактора! Обычного велосипеда – и то не было, а он бы очень пригодился. В последней деревеньке, куда он попал, он попросил примерить одно из платьев и головной убор дочку хозяйки, девочку лет пятнадцати. И глаз потом от неё не мог отвести – так всё ладно на ней сидело. Казалось, девушка сошла с полотна Венецианова, у которого крестьяне ходили нарядными и выглядели счастливыми. Правда, ему самому платья не очень нравились, особенно по сочетанию цветов: красное там нередко соседствовало с зелёным, а это ему казалось просто варварством. Но о вкусах не спорят. В те времена люди находили это красивым. А вот головные уборы Николаю приглянулись: столько выдумки и фантазии потратили мастерицы, когда создавали их, расшивая то бисером (крохотными разноцветными стекляшками), то неизвестно где добытым речным неровным жемчугом. Эти шапочки, которые носили деревенские модели за неимением шляпок, он хранил отдельно, чтобы их не измять или не повредить – всё уже было старым и хрупким, но всё ещё ярким и привлекающим взгляд.

Денег у него после всех покупок почти не оставалось, едва хватило, чтобы заплатить за билет. Когда он сидел на пристани со своим рюкзаком, ожидая рейсовый пароход, который должен был увезти его в большой и шумный город, к нему подошёл милиционер, местный участковый. Он проверил у Николая документы, а затем попросил показать, что тот хранит в мешке. Наверное, принял его за фарцовщика – так тогда называли людей, ходивших по деревенькам и скупавших старинные иконы. Эти иконы фарцовщики затем предлагали в Москве и Питере иностранцам в обмен на американские джинсы, о которых мечтали тогда многие «продвинутые» молодые люди. Что делать, в юности человек хочет, чтобы его заметили и выделили из толпы. Джинсы – это был верный

способ привлечь к себе внимание. Ну, если больше блеснуть нечем.

Не найдя в мешке икон и прочитав разрешение Русского музея на приобретение обрядовой одежды, милиционер потерял к студенту интерес, заметив мимоходом:

– Кому нужна эта рухлядь, парень, ей место на свалке!

– Старьё, быть может, и надо выкидывать на свалку, а прошлое нет! – возразил ему Николай. – А эти наряды – наше прошлое. До нас ведь здесь тоже люди жили, и нам интересно, как они одевались и в будни и в праздники.

– Да полно тебе, парень. Просто заработать решил в каникулы. Так и скажи.

– Ну, не без этого, – засмеялся Николай. – Тем более что я путешествую в одиночку, а это небезопасно. Здесь край глухой. И на медведя можно нарваться, да и люди всякие попадают. Между двумя деревеньками вчера такого мужика встретил – аж мороз по коже, такой страшный и грязный. Хорошо, мимо прошёл, но посмотрел недобро.

– Так, а как он выглядел? Ну-ка, посмотри на фоторобот. Не похож ли? – оживился милиционер, полез в свой планшет и вытащил оттуда фотографию.

Николай внимательно взглянул на снимок и, чуть подумав, сказал:

– Он самый, глаза и нос похожи. Да и причёска дикая – как у Робинзона Крузо, у того же не было расчёски, не догадался сделать. И этот никогда не причёсывался. А уж запах от него – жуть.

Милиционер ещё несколько минут расспрашивал Николая, а затем, поблагодарив за помощь, буквально побежал к телефону, который был на дебаркадере.

– А кто он? – вслед ему крикнул путешественник.

– Ну, тебе лучше не знать. Счастье твоё, что всё обошлось.

В это время к причалу подошёл пароходик и выгрузил пассажиров, возвращавшихся из города с сумками. Из сумок выглядывали батоны, кульки с макаронами и сахаром, кое-где торчали палки редкой в те времена колбасы, купленной

на праздник в единственном коммерческом магазине, где всё было, но всё было втридорога. (Вскоре, правда, этот магазин закрыли, поскольку он нарушал ощущение справедливости и равенства у людей, не могущих там ничего купить из-за дороговизны! Нет колбасы, ну так пусть уже для всех не будет, а не только для тех, у кого денег нет, — рассудила городская власть.)

Но приключения Николая на этом не закончились. Когда до шлюзов, где стояла огромная статуя Волги, оставалось всего ничего, поднялось сильное волнение, и кораблик начало болтать из стороны в сторону. Пожилые люди стали торопливо креститься, а какой-то старичок, с бородой в пол-лица, даже стал читать вслух молитву. Наверное, все эти меры вкупе с искусством капитана помогли кораблику дошлёпать своими колёсами до шлюза и войти в створ ворот, чтобы начать спуск. На реке повороты есть, а горок нет, не съедешь просто так вниз.

Судно причалило к бетонной пристани и зацепилось за неё двумя толстыми верёвочными канатами. Ворота сзади закрылись, и начался сброс воды из шлюзовой камеры. Пароходик стал медленно опускаться. Да вот беда — канат забыли отцепить, и вскоре судно стало зависать на нём и наклоняться на один бок. Страшно подумать, что бы произошло, если бы не быстрые действия матроса. Он схватил пожарный топор со стенда и за два удара перерубил концы. Силёнкой его Бог не обидел, а вот ума да аккуратности на него не хватило. Это он не отцепил вовремя канат и чуть не утопил всех.

Пароходик как будто шлёпнулся в воду, подняв волну, но не перевернулся и остался на плаву. Перепуганные люди выдохнули и с облегчением радостно закричали. А старичок запел благодарственную молитву.

Вскоре они благополучно добрались до города, который встретил их весёлым светом уличных фонарей и разноцветными неоновыми вывесками. Городскую жизнь начинаешь ценить и понимать, только выбравшись из тёмной глухомани, где уже в девять вечера не светится ни одно окно. Деревня ложится спать рано. Николай запомнил почему-то мужичка, который, обращаясь к нему, сказал:

– В жизни больше не поеду на пароходе. Лучше уж на «кукурузнике». Дороже, зато безопасней.

В те времена между городами области уже летали небольшие самолёты, вмещавшие 10–12 пассажиров с мешками и котомками. Удобно было, да и недорого, если подумать. А сейчас почему-то не летают. Легче до Парижа долететь, чем добраться до какого-нибудь Брейтова.

Старичок с носом в кулачок всё не отставал. По шаткому трапу все шли гуськом, один за другим, и он опять оказался как раз за студентом.

– Слышь, парень. Ты сегодня зайди в церковь да свечу поставь Николаю Угоднику, он у нас защитник странствующих. Он нас сегодня сберёт, не дал утонуть в бездне водной.

– Да ладно вам, – ответил Николай. – Матрос прозевал – он же и исправил. Рубанул концы – и дело с концом. Я думаю, у этого ротозея такая ситуация не впервой. Он там с какой-то девушкой трепался и прозевал, когда чалку надо отцепить.

– Ну, смотри, тебе жить. А только свечу Николаю поставь. Я вижу, у тебя судьба будет беспокойная, много путешествовать тебе придётся. Я людей знаю, – улыбнулся дед, и абсолютно белые здоровые зубы сверкнули сквозь бороду.

– Да я, дед, комсомолец, мне вроде неудобно.

– А ты сходи, от комсомола не убудет. Что ему сделается, комсомолу твоему, – не сдавался дед.

Студент немного подумал, достал рубль и протянул деду.

– Поставь за меня, дед. Сделай доброе дело.

– Ладно, сделаю. Только ты много дал. Свечка-то всего двадцать копеек стоит.

– У меня мелочи нет. Последний рубль остался от поездки.

Дед порылся в своём выдавшем виды, затёртом до черноты кошельке и, достав оттуда мелочь, протянул её Николаю.

– Возьми, ты студент, вижу. Откуда у тебя деньги... А если и есть, так не твои, а родителей. Бери, бери, брать – не давать, не надо и думать.

– Ну, я же стипендию получаю. Не такой уж нищий, как вы думаете, – возразил Колькин дед.

Но сдачу всё же взял, надо было ещё до дома добираться, «синий троллейбус» – персонаж песен Булата Окуджавы – и тогда возил пассажиров за деньги. А бесплатно – никого, даже студентов, несмотря на тёплую песню о себе.

– Ну, прощай, парень.

– Счастливо. Если во время моих путешествий со мной будет полный порядок – буду знать, что вы свечу за меня поставили.

– Не сомневайся, парень. Я ведь в храме работаю, не обману. Меня сам батюшка Никола Любомудров жизни-то учил, когда я мальцом был. Не слышал о таком?

– Нет, дед, у нас другие учителя, – ответил Николай.

И пошёл дед своей дорогой, а студент своей. А встреча, хоть и была мимолётной, всё же запомнилась навсегда. И путешествия будущего деда проходили гладко. Значит, не обманул старик, поставил свечу Николе Угоднику.

В общем, свою задачу дед тогда выполнил. Вернувшись, он сдал приобретения в хранилище Русского музея. После этой поездки ему даже предложили там настоящую работу, но он не собирался становиться историком. У него были другие планы. Он хотел стать офицером. Причём – морским офицером.

Глава XI

Отец пришёл домой уставший и несколько раздражённый: что-то там не клеилось на службе. Он по основной профессии был военным инженером и занимался вооружениями – это всё, что полагалось знать его родным и близким. Почти вслед за ним пришёл дед Кольки и долго о чём-то разговаривал с сыном.

После пришёл и Колька. Видя, что дед никуда не торопится, он, как настоящий дипломат, спросил его:

– Помнишь, ты рассказывал о своём путешествии по Пошехонью? Расскажи ещё что-нибудь, а! Мне так интересно.

– Что, надоели морские истории? – засмеялся Николай-старший. – Ладно, слушай. Помнишь, с Ольгой Ивановной были в храме, где находятся мощи священномученика Любомудрова? Ну, того самого, что венчал наших предков далёких. Так вот, он из тех краёв, из Пошехонских, кажется. Ну, в общем, где-то рядом. Ольга Ивановна обещала рассказать подробнее, переслать главы своей книги по интернету, да всё как-то не получается. Хотя фотографии она вернула. Отобрала три самых выразительных, включая полицмейстера. Кстати, пойдём в почте посмотрим, нет ли там её послания.

– Дед, а ты не пригласишь её в путешествие по Рыбинскому морю? Она бы нам там всё и рассказала, как экскурсовод.

– Хорошая мысль. Подумать надо. Хотя хлопот много. А я уже не молод. Хотя... почему бы нет. И отца бы взяли, да не получается. Через неделю улетает в командировку.

– А надолго? Он мне ничего не говорил.

– Спрашивать об этом у военного человека, внучок, бессмысленно. Думаю, месяца на два-три, не меньше. Не переживай. Ещё поездим с ним. Страна у нас огромная, а его в детстве не зря Скифом звали.

– А мы с тобой будущим летом на Алтай слетаем, хочешь, инопланетян поищем? – засмеялся отец, входя в комнату и услышав конец разговора деда с внуком.

– Сам говорил, что их не существует.

– Ладно, ладно. Их нет, а мы-то есть. Пойдём-ка, поищем в сети, в самом деле, нет ли там отрывков из книги Самохиной.

– Ну, вот и хорошо, я тогда пойду, – засобирился дед, – бабушке одной скучно, не любит она, когда меня нет дома.

Дед ушёл, а отец с сыном пошли в Колькину комнату, включили компьютер и, поискав, нашли в интернете отрывок из книги Самохиной «Исчезающая Россия».

– Ну, начинай читать, а я пойду отдохну, – сказал отец и ушёл в свою комнату. Он очень устал за день, и ему было не до «исчезающей России». Ему, чтобы не исчезла Россия нынешняя, надо было всегда быть в форме. А для этого силы нужны.

И Колька начал читать:

Священник из Лацкого (глава из книги)

«Пошехонские леса – дремучие и тянутся на десятки километров, достигая соседней Вологодчины, где тоже шагать от деревни до деревни – ноги истопчешь и восемь раз проголодаешься. Кажется, чуть зайдёшь в лес – увидишь там избушку на курьих ножках либо Бабу Ягу в ступе, а может, если повезёт, и Василису Премудрую, собирающую землянику в лукошко. В одной из таких деревень, Юркино, в семье псаломщика местной церкви родился шестой ребёнок, которого назвали Николаем. Семья жила небогато, да и откуда взяться деньгам у служителя церкви, если у окрестных прихожан, как тогда шутили: “Пуговица в кармане да блоха на аркане”. В общем, пустовато. И тем не менее жили, и детей растили, и праздники справляли. Но и работать приходилось много, чтобы прокормиться. Русский человек умеет приспособливаться к суровой природе. А что делать? Более благодатные и солнечные земли с мягкой короткой зимой и тёплым и длинным летом недолго были приютом славянских народов. В незапамятные времена вытеснили их оттуда более воинственные племена, и ушли наши далёкие предки в дремучие леса. И заселили огромные дикие пространства, основывая города и деревеньки, строя крепости да церкви и заставляя, вернее, уговаривая заботой да трудом землю небогатую кормить да обогревать людей на этих холодных, но полгода засыпанных снегом территориях. Так и возникло сильное государство. И населял его многочисленный, сплочённый и стойкий русский народ, который научился не только себя кормить и защищать, но и соседям помогать. Когда возникла деревенька Юркино, наверное, уже и не узнать теперь, да местным людям это было и ни к чему.»

Коля рос крепким и умным мальчуганом, рано выучился грамоте, и отец задумался о том, чтобы мальчик пошёл по его стопам. Пошехонье для людей из окрестных сёл и многочисленных деревень было большим шумным городом (проедут по улицам в базарный день десяток телег – то-то шуму наделают). Там можно было и продать, и купить разные нужные вещи – от замка амбарного до платья цветного из ситчика ивановского. Хоть и жила в народе пословица, что пошехонец заблудился в трёх соснах, мастера там были в ремёслах искусные. А пословицу ту придумали завистники из других городов, где рыбы столько не ловилось да урожай похуже. Но не только с полей да огородов кормились тамошние жители. Завели там предприимчивые люди промысел по изготовлению сусального золота...».

Что такое сусальное золото, Колька знал. Это такая очень тонкая золотая фольга, которой покрывали купола церквей в столице да лепнину затейливую в домах богатых да в театрах столичных. Он улыбнулся, довольный тем, что понимает учёные слова, и продолжил чтение.

«...И деньги зарабатывали мастера немалые и жили неплохо. Существовало там и духовное училище, куда и отправили учиться Николая, когда он подросток. Мальчик уже с детства понял – это его путь, по нему он и пойдёт.

Как-то приснился ему сон необычный, будто стоит он в церкви, отца и матери нет рядом, он один-одинёшенек. И прихожан в храме нет, ни одного человека, пусто, только свечки горят да лампадки. Но видит он, что служба всё же идёт: батюшка читает молитву и хор поёт, только очень тихо. Мальчик знает, что ему надо срочно уйти, его дома ждут. Он уже хотел было выйти, но вдруг подумал: а как же священник один останется, кому он будет проповедь читать? Ведь я сейчас один-единственный прихожанин. И он остался, не ушёл. А вскоре проснулся. И долго сидел на кровати и думал: что бы этот сон значил? А когда рассказал об

этом сне отцу, тот погладил его по голове и сказал: "Ну, сон в руку, раз из церкви не ушёл – там, значит, и останешься. Это дело Божье".

Как все мальчишки, он и шалил, гонял по двору, бился с недругами на кулачках. Но учился настолько прилежно, что сам архиерей, приехавший в училище на экзамены, заметил усердного паренька, похвалил его и предложил после училища поступить в епархиальное учебное заведение в Ярославле. После этого училища можно было поступить в духовную академию и получить высшее образование.

Наверное, именно о такой судьбе мечтали родители Николая, только было одно препятствие – не было в семье денег на обучение. Жизнь в городе дорогая: и крыша над головой нужна, и есть надо каждый день, да не по одному разу.

Но не зря в народе говорят, когда возникает какая-то трудная ситуация: "Бог всё устроит, только надо верить". А в вере мальчик был твёрд уже с юности: ни колебаний, ни сомнений в выбранном пути у него не возникало, а потому и Бог ему помогал.

В епархиальное училище в Ярославле мальчика приняли, как бы сейчас сказали, на бюджетное место, то есть за учёбу он платить был не должен. И с жильём всё устроилось: Николая приютили его дальние родственники, очень приветливые и гостеприимные люди, которые и кров дали, и подкармливали парня, да и добрым словом поддерживали.

Учился Николай усердно, пытался познать все тонкости богословской науки, изучить церковные обряды. Но он всегда помнил о своей мечте – поступить в академию. Но не для того, чтобы достичь вершин церковной власти, – он об этом совсем не думал. А мечтал постигнуть в полной мере божественное откровение.

Всё вроде складывалось благополучно, но внезапно у него умер отец, и Николай, чтобы материально поддержать семью, после окончания училища поступает на службу в церковь Рождества Богородицы в Ярославле. Этой церкви сейчас нет, не сохранилась. А располагалась она на нынешней площади Богоявления.

По странной иронии судьбы сейчас примерно на этом месте стоит памятник основателю нашего города – князю Ярославу Мудрому. Князь разглядел во время путешествия по своим владениям это благодатное место, где небольшая река Которосль впадает в великую реку Волгу, которую называют хребтом нашей страны. В 1010 году, поохотившись и добыв медведя, изображение которого стало символом Ярославля, он приказал заложить здесь небольшую деревянную крепость, которая, пережив и нашествие, и осады врагов, превратилась в одну из торговых столиц страны, куда стекались промышленные товары и зерно и с юга страны, и с севера. Как и множество разных городов и поселений, он в древности мог бы исчезнуть с карты страны. Но нет, не исчез, выстоял и расцвёл.

Начинающему священнику отцу Николаю город нравился, да и друзья и знакомые здесь у него появились. Живи и служи. Всё складывалось неплохо».

Глава XII

Священник из Лацкого (продолжение)

«Когда человек становится взрослым, он начинает понимать, что не всё в этой жизни получается так, как ему бы хотелось, что судьба часто предлагает ему вместо сладкой конфеты чёрную корочку хлеба. И человеку кажется, что в отношении него происходит вопиющая несправедливость. И он начинает роптать и думать, что, может быть, Бог не заботится о нём, хотя, когда он был маленьким, мать и отец обещали, что Господь всегда будет его защищать и помогать. Надо только хорошо учиться, верить и делать добро. Человек забывает, что Господь лучше знает, что необходимо именно этому человеку, и предлагает ему конкретный путь, оставляя при этом свободу выбора.

Ты можешь пойти по пути, уготованному Богом, а можешь и не пойти. Это твой выбор и вопрос крепости твоей веры в Бога.

Николай, став церковнослужителем и несколько поправив своё материальное положение, вскоре женился на девушке, жившей в тех краях, откуда он был родом. Девушку, работавшую сельской учительницей, звали Софьей. В этом, наверное, была какая-то тайна, поскольку, если перевести фамилию Любомудров на латинский язык, то она будет звучать как Философов: «фило» – любовь, «софия» – мудрость.

Получилось так, что отец Николай полюбил Мудрость. Так ему было на роду написано, и он полностью оправдал свою фамилию. Не зря говорят, что фамилия – это ещё и судьба.

Вскоре он был рукоположен в священники, и ему предложили приход в селе Лацком Мологского уезда. Конечно, этот молодой, хорошо образованный человек мог бы сделать и более успешную карьеру. Его соученики продолжили образование: один – в Духовной академии, другой – в университете, а ему, чтобы помогать своей многочисленной семье, которая осталась без отца, пришлось забыть о продолжении учёбы. Навер-

ное, горько было сознавать это. Но после женитьбы и получения прихода жизнь его стала более определённой. Приехав в Лацкое, он понял: это дорога, по которой ведёт его Господь. И он должен идти по ней, не сворачивая. И он пошёл...

Лацкое к этому времени превратилось в большое село, где равенство между добром и злом было нарушено: там стояли две действующие церкви, но было четыре "пьяных" кабака, где любили проводить время и бездельники – в надежде на бесплатное угощение, и уставшие от тяжёлой работы крестьяне, для которых это было единственным развлечением.

Русский человек – это человек удали и размаха, и если уж он заходит в кабак с деньгами в кармане, то выходит с карманами пустыми, а часто и с разбитым в кровь лицом.

Отец Николай, поселившийся в Лацком и начавший там своё служение, понял, что надо что-то делать, чтобы спасти людей от пагубной привычки. Привычки, которая когда-то свела в могилу и его отца, да и многих других людей. Именно поэтому он всей душой ненавидел пьянство, которое разоряет богатых, людей с достатком делает бедными, а бедных – нищими. Именно поэтому он приступил к созданию на селе общества трезвости. Такие общества тогда были очень популярны в русских областях Российской империи, но чтобы организовать их, необходимо было получить специальное разрешение от светских и церковных властей. Не каждому под силу преодолеть бюрократические препоны, чиновнику всегда легче запретить, чем разрешить, вдруг что-то пойдёт не так, и за это придётся отвечать! Но отец Николай – человек сильный духовно и одарённый умением убеждать людей – преодолел все эти барьеры и, самое главное, получил поддержку многих крестьян, которые пытались изменить беспросветную свою жизнь в лучшую сторону. Любопытно, что с крестьянином, который вступал в общество трезвости, заключалось соглашение либо на два месяца, либо на полгода, а с некоторыми и на три года. При заключении соглашения существовал целый ритуал: крестьянин целовал крест и таким образом получал благословение. Многих вытаскил из бездон-

ной ямы пьянства отец Николай, очень многих. И люди поняли, что к ним приехал не просто очередной батюшка, чтобы службы править, а настоящий учитель жизни, человек, который спасает людей, следуя заповедям Господа.

Интересно, как одно добро рождает другое, и этот цикл рождений бесконечен. Однажды ближе к ночи в дом священника привезли больного крестьянина, чтобы соборовать его, поскольку он едва подавал признаки жизни.

Жена отца Николая, Софья, которая немного смыслила в медицине, осмотрев больного вместе с супругом, сказала: попробуем его вылечить. Она очень умело использовала народные средства вместе с лекарствами, которые были в доме, и больной чудесным образом исцелился. На другой день, когда родственники приехали за ним, считая, что его уже нет в живых, нашли его сидящим за столом и пьющим чай. Как выяснилось, этот крестьянин сильно простудился, когда спасал тонущего мальчика, решившего покататься на льдине. Конечно, и лекарства помогли, и процедуры – и всё же это было чудо, которое совершилось по благословению будущего святого земли нашей.

С тех пор священник и этот крестьянин стали друзьями. Именно он помог отцу Николаю распахать церковную землю и начать хозяйствовать по-настоящему. Так добро породило добро...».

Колька, устав, оторвался от компьютера и пошёл на кухню, где отец готовил себе кофе. А отец, прихлёбывая ароматный напиток, сидел и думал: и о предстоящей командировке в Сирию, и о судьбе святого Николая Любомудрова, и о сыне, который понемногу из маленького мальчика становится подростком.

– Ну, как тебе сочинение Ольги Ивановны? – спросил он сына.

– Интересно. Только непонятно, как священник Николай стал святым? Обычная жизнь...

– Да, сынок, и обычная жизнь может стать подвигом. Так-то! Да, надо бы и мне самому дочитать до конца книгу Ольги Ивановны. Я тут начинал, да не успел...

«Обязательная дама, – подумал он. – Не поленилась перегнать мне по электронке главы о Любомудрове».

В это время раздался резкий звонок старого телефона, которым вообще-то пользовались редко: у всех были мобильники.

– Слушаю, – сказал отец, быстро подойдя к столику и взяв трубку.

– Валентин Николаевич, завтра в восемь надо быть на аэродроме. Тебя заберёт самолёт и сразу перебросит на место. Там наш специалист попал в больницу. Срочно нужна замена.

– Ранен, товарищ генерал?

– К счастью, нет. Как ни странно, воспаление лёгких. В общем, как сказали врачи, не меньше месяца. Там – сам знаешь, дела горячие. Каждый день на вес золота. Так что соберай тревожный чемодан.

– Всегда со мной и всегда наготове!

– Ну, всё, удачи. Через месяц или сменим тебя, или твой коллега выздоровеет. Тогда отзовём тебя обратно.

– До свиданья.

Валентина Николаевича не расстроила перспектива скорого отъезда, хотя он и надеялся, что ещё есть несколько недель в запасе. Жене и детям решил не говорить, куда едет, чтобы не волновать понапрасну. Всё же там война идёт, каждый день по телевидению показывают. Как офицер, он понимал: то, что показывают, это только часть картины ожесточённой схватки с мировым терроризмом. Многие остаётся за кадром.

Жаль, не успели они с Колькой дочитать главы о Любомудрове. Зря только Самохина так назвала книгу – «Исчезающая Россия». Никуда она не исчезнет.

Да, судьба офицера – быть всегда наготове. Так что всё правильно, всё нормально! И он пошёл собираться в дорогу, а Колька ему помогал.

Глава XIII

Без отца в доме стало совсем пусто. Год назад Колькина старшая сестра, которая, казалось, никогда не бывала в плохом настроении, вышла замуж и уехала к мужу. Теперь отец улетел надолго, а куда – так и не сказал никому. И насколько – тоже непонятно.

Первую неделю от него даже эсэмэсочки не было, только через день вечером им позвонил командир части, где служил отец, и сообщил, что всё благополучно. Просто в тех краях плохо со связью. И всё равно мать постоянно ходила с озабоченным лицом, а иногда садилась в своё любимое кресло, брала книгу, но не читала её, а смотрела поверх страниц куда-то далеко-далеко, будто что-то пытаюсь разглядеть. Хорошо хоть, что в доме жил ещё один, самый весёлый и нужный человек – младшая сестра Милка. Всё она пыталась потрогать своими руками и ставила эксперименты над разными предметами – съедобные они или нет. Поэтому если и были у Кольки минутки уныния, то быстро проходили. Тем более что дед с бабушкой, заходившие к ним почти каждый день то с пирожками, то с котлетками, то ещё с чем-нибудь, застав семейство в состоянии уныния, заявляли, что это один из смертных грехов и что от их плохого настроения никому лучше не станет.

Дед, чтобы приободрить Кольку, показал ему фотографию корабля, на котором им предстояло идти в путешествие по водохранилищу. Конечно, это был не белоснежный красавец, какие мальчик видел на Чёрном море, и не грозный военный корабль, а какой-то отремонтированный быстроходный речной катер, который находился в частной собственности у приятеля деда, когда-то водившего по Волге огромные круизные пароходы. Чтобы не потерять навыки, он, выйдя на пенсию, приобрёл этот списанный корабль, отремонтировал его за свой счёт и теперь плавал на нём, куда хотел. Он теперь был свободен, свободен по-настоящему. По крайней мере – в выборе маршрута. Катер был вместительный, но справиться с ним мог и один человек – он и капитан, и моторист.

Потом внук и дед стали по карте намечать те пункты, куда они могли бы зайти и остановиться. Никогда мальчик не думал, что это так интересно – путешествовать на катере по карте.

Колька напомнил деду о поле битвы, которое ему особенно хотелось посмотреть, а может, и покопаться там вместе с Настей. Вскоре маршрут был расчерчен по всем правилам. Дед, помимо всего прочего, включил туда посёлок Борок, где располагается Институт биологии внутренних вод, основанный знаменитым полярником, Героем Советского Союза Папаниным.

В далёкие тридцатые годы тогда ещё молодой учёный Папанин с товарищами был высажен на дрейфующей, то есть на двигающейся в океане, огромной льдине неподалёку от Северного полюса. Несколько месяцев полярники прожили на этой льдине, ведя научные наблюдения, которые помогли потом проложить Северный морской путь для наших кораблей на Дальний Восток. Это была очень опасная экспедиция, поскольку Северный Ледовитый океан был мало изучен, и корабли, заходившие туда, часто погибали. А льдина – штука ненадёжная, может растаять, если вдруг теплеть начнёт.

– Кстати, – сказал дед, после того как поведал внуку о знаменитом полярнике, – там же, в Борке, находится имение Николая Морозова, знаменитого революционера. Он жил там после освобождения из Шлиссельбургской крепости, где его держало в заключении царское правительство. Двадцать один год, да ещё в одиночке. В общем, поговорить было не с кем. Столько лет молчал. И он спасался тем, что начал изучать различные науки. Книги ему были разрешены, но только научные и религиозные.

– А что он такого сделал? Против царя был или убил кого? – поинтересовался внук.

– Да нет, сам он, конечно, этим не занимался. Но в своих трудах призывал своих последователей к борьбе с самодержавием. А последователей у него нашлось немало. И некоторые из них были террористами.

– Ну, значит, за дело, – сказал Колька, который иногда тоже смотрел по телевизору последние известия, где частенько мелькало это страшное слово – террор.

– Да, этот злой джинн не любит сидеть в запечатанном кувшине. Время от времени его оттуда кто-то выпускает, – задумчиво ответил дед. – Ну да ладно. Интересно, что Морозов наверняка был знаком с Николаем Любомудровым. Жили-то неподалёку, и моря тогда не было. Сел в тарантас – и в Лацком. Тогда все интеллигентные люди в округе были наперечёт, все знали всех.

– Дедушка, откуда ты это знаешь? – спросил Колька, а сам подумал: «Наверное, Морозову после стольких лет молчания поговорить хотелось, человек он был сведущий, знал много, да и думал много».

– А, да, мне ведь Ольга Ивановна тоже скинула на почту свою книгу. Правда, не часть, как твоему отцу, а всю, до конца. Умная женщина, хотя и видно, что она – не профессиональный историк. И книга у неё получилась умная. И наших предков фотографии там есть. Но тебе её всю читать ещё рано, а вот главы о Любомудрове, пожалуй, стоит посмотреть.

– Да я немного почитал перед самым отъездом отца, – сказал Колька.

– Тогда садись, покажи, где остановился. Ясно. Ну, начнём, милый друг мой Колька.

И они, глядя на экран, стали листать страницу за страницей.

Глава XIV

Священник из Лацкого (продолжение)

«...Холодная страна Россия, очень холодная. То дожди зарядят на неделю, то месяцами солнца не видать из-за плотных осенних туч, то зима, которой конца-края нет. Но бывает вдруг: ни с того ни с сего нагрянет тепло, и солнце зальёт всё кругом своим тёплым золотым светом – и каждая

травинка, каждый листик и каждый человек сразу откликнется на эту милость природы, которая пожалела огромную страну и включила, как отопление, летнее тепло. Нигде, наверное, в мире так не ценят настоящие летние деньки, как у нас. Люди в такие дни добрее, спокойнее и, как это ни странно, даже вежливее. Хочется дружить, песни петь, веселиться и ничего не делать. Как известно, солнечное тепло располагает именно к такому времяпровождению, независимо от того, лентяй ты или труженик.

Это, конечно, если делать нечего.

Но в семье отца Николая дел было всегда невпроворот. Самое главное, детей с каждым годом становилось всё больше, а доходы сельского батюшки совсем невелики, народ кругом жил бедно и неустроенно, и каждый грош был на счету.

Так что отцу Николаю приходилось рассчитывать в основном на свои силы. Церкви принадлежало несколько десятин земли, с которых можно было получить неплохой урожай, если потрудиться как следует. Но без лошади никуда. Сначала помогали добрые люди, а потом пришлось купить свою лошадку.

Так что сельский священник время от времени становился простым хлебопашцем. Впрочем, не совсем простым. Отец Николай начал изучать различную литературу, где можно было почерпнуть сведения о том, как вести сельское хозяйство, основываясь на новейших достижениях науки.

Батюшка охотно делился своими знаниями с прихожанами, в библиотеку приобретал книги и о том, как с вредителями бороться и как урожаем хороший получить. Но не забывал он и о других книгах. В библиотеке на полках стояли томики и Пушкина, и Гоголя, и Некрасова, и даже Шекспира.

Его хороший знакомый, священник Иоанн Кронштадтский, известный в России проповедник, впоследствии причисленный к лику святых, прислал 100 рублей для этой библиотеки, чем отец Николай очень гордился. И читателей прибавлялось. Правда, и школьная, и церковная власть стро-

го следили, чтобы в библиотеку не попадала революционная литература, которая была запрещена – за её распространение грозила тюрьма.

Однажды в такой вот тёплый летний денёк открылась калитка, и во двор дома отца Николая зашёл хорошо, погородскому одетый человек средних лет, с холёной бородой и усами.

Человек постучал в дверь и спросил, здесь ли живёт отец Николай. Матушка Софья, встретившая гостя, предложила ему войти в дом, но он отказался, сославшись на то, что зашёл только на минутку, познакомиться. Когда вышел хозяин, гость представился: “Николай Морозов, – и пояснил: – Зашёл на почту за корреспонденцией, посчитал своим долгом познакомиться с вами”.

Говорили в этот раз они недолго. Морозов действительно торопился.

Отец Николай, конечно, слышал об этом человеке, старом русском революционере. Он принадлежал к движению народолюбцев, которые ставили своей целью свержение царской власти. Но для своей борьбы выбрали не только пропаганду своих взглядов, они ещё и допускали применение террора, самого бесчеловечного способа политической борьбы.

Отец Николай, конечно, не мог знать о Морозове больше того, что знали его односельчане, но о народниках он, несомненно, слышал, ещё когда учился в епархиальном училище. Но вряд ли им сочувствовал. Отец Николай знал, что Господь не зря под номером первым поставил заповедь “Не убий”. Так что при всём его сочувствии крестьянам, за освобождение которых боролись народолюбцы, с этим народом ему было не по пути.

Может быть, поэтому он с настороженностью отнёсся к зашедшему к нему знаменитому революционеру. Да и неизвестно было, как посмотрит на такое знакомство церковное и светское начальство: прознают – могут и библиотеку закрыть, и общество трезвости, да и пресечь на корню другие полезные начинания.

Тем не менее их знакомство продолжалось несколько лет. Морозов, когда проезжал из своего имения Борок в Лацкое, всегда заходил в гости к священнику, они вели долгие разговоры о тех проблемах, которые всегда волновали русских людей: "что делать?" и "кто виноват?". Эти два человека, совершенно противоположных по своей сути, воспитанию и взглядам на жизнь, тем не менее были интересны друг другу. Но у Морозова был, мне кажется, и ещё один интерес: он, конечно, не отказался от своей революционной деятельности, даже отсидев такой длительный срок.

Однажды в разговоре с отцом Николаем он незаметно попытался выяснить, нельзя ли использовать библиотеку для распространения нелегальной, т. е. запрещённой, литературы. Когда отец Николай понял это, то твёрдо сказал: нет. Библиотека, которая была с таким трудом создана и пользуется большой популярностью среди окрестных крестьян, должна приобщать людей к культуре, в том числе и земледельческой, знакомить их с лучшими русскими писателями, давать им разумный досуг вместо пьянства, которое было настоящим несчастьем для русской деревни.

Хотя, конечно, работу эту не назовёшь лёгкой. Библиотека была одна, а кабаков в селе – четыре. Неравная борьба.

Однажды Морозов, приехав с будущей женой в Лацкое, обратился к отцу Николаю с просьбой, необычной для революционера-атеиста. Он, немного смущаясь, попросил обвенчать его с невестой, которая ни в какую не хотела отказываться от красивого обряда.

Девушка оказалась верующей и потребовала, чтобы их обвенчали в церкви, как это было заведено в России. Морозов отговаривал её, но она настаивала. Батюшка объяснил, что не может совершать церковный обряд над неверующим человеком. Морозов даже не обиделся. Может, напротив, ещё с большим уважением стал относиться к отцу Николаю. А когда уезжал, подарил ему на прощание книгу своих стихов с дарственной надписью.

Разные это были люди, совсем разные. Хотя хотели одного и того же – счастья и благополучия для простых людей.

Только Морозов считал, что для этого все средства хороши. В том числе и террор в отношении царя и его министров. А отец Николай видел спасение людей в укреплении их веры в Господа, в том, чтобы люди научились жить по законам, которые дал им Бог. Именно в этом он видел путь, который ведёт к благополучию и процветанию, миру и спокойствию.

Это верный путь. Но часто ли люди его выбирают? На этой дороге нет указателей, нет дорожной разметки. Здесь ведёт только слово Божье, которое доводит до людей священник».

Глава XV

Священник из Лацкого (продолжение)

«...Церковь Вознесения Господня, в которой служил отец Николай, стояла на самом возвышенном месте села, осеняя своими крестами дома жителей и обещаая им защиту и спокойствие. К храму примыкала рыночная площадь, где местные лавочники и крестьяне торговали всякой всячиной: и картошкой ядрёной, и луком, сплетённым в длинные косы, и косами-литовками, которым, если их отбить умело, никакая трава нипочём, и холстами белёными, и горшками на все случаи жизни. Ну, это в обычный базарный день. Но основная торговля шла на ярмарке, которая проводилась в праздник Вознесения. Здесь в такие дни можно было даже лошадь купить, не говоря уже о разных нужных в хозяйстве изделиях, которые выпускали русские промышленники. Ярмарка эта славилась в округе. В ярмарочные дни народу туда съезжалась тьма-тьмуца. Там можно было встретить и хорошо одетых, по моде, господ, и крестьян в простой одежде, подтянутых военных и полицейских. Только гляди – поворачивайся во все стороны, чтобы не пропустить что-нибудь интересное, о чём потом можно рассказать родным да знакомым. В такие дни и в хра-

ме народу прибавлялось: заходили купцы поставить свечу перед святыми иконами в благодарность за удачную сделку, военные, чтобы служба шла хорошо да звание очередное пошло вовремя, да девушки местные и приезжие – попросить у Бога жениха послать им хорошего да работающего, старики, купившие внукам гостинцы и просившие здоровья себе и близким. Доставалось в эти дни священнику, ну да когда народу много в храме – и Богу в радость, а батюшке – радость вдвойне.

Многие люди, походив по ярмарке да потратив деньги, заглядывали в библиотеку-читальню, где можно было книжку полезную посмотреть или с собой взять с обязательством вернуть её в срок. За этим следил отец Николай строго, хотя книги, конечно, зачитывали, как и в наше время. Хотя сейчас меньше, поскольку чтение книг как-то вышло из моды и перестало быть потребностью, такой же, как, например, пообедать в полдень. Или поужинать вечером.

Благодаря заботам отца Николая библиотека постоянно пополнялась новыми книгами, так что почитать там было что, а люди, живущие монотонной трудной жизнью, где на досуг оставалось совсем мало времени, тянулись к знаниям, хотели выйти за рамки той повседневности, в которой существовали.

Наладив работу библиотеки, о которой он заботился всю свою жизнь, отец Николай не успокоился. Стремление к просвещению народа было у него естественной потребностью, он понимал, что крестьянам, чтобы преодолеть бедность, надо учиться современным методам земледелия, которые разработала наука. Но как учиться, если большинство тружеников были попросту неграмотными и вместо подписи на казённых бумагах они ставили крестик? Как помочь людям выйти из темноты и невежества, как привить им интерес к полезному времяпровождению и оторвать их от пьянства, как укрепить их веру в Бога?

Как-то он возвращался со службы домой и встретил знакомого крестьянина, смышлёного, неглупого и ещё сравни-

тельно молодого человека. Поздоровавшись, разговорились об урожае, о погоде, о детях да новостях деревенских.

– Ты что же, Иван, в библиотеку не запишешься, чтение тебе только на пользу бы пошло. Глядишь – и урожай бы лучше был, если б почитал что-нибудь о борьбе с вредителями. Помню, как ты жаловался, что картошка у тебя родилась вся в дырках каких-то.

– Да я, отец Николай, едва буквы знаю, а читать так и не научился.

– Жаль, может, научить тебя?

– Да где уж мне, не по летам...

– Это всё лень-матушка тебе шепчет, какие твои годы, да и жизнь длинная. У тебя вон деду-то за девяносто.

– Да я бы и рад узнать что-нибудь новое, да как, откуда? Вот если бы кто вслух читал, а я бы слушал да на ус наматывал.

– А что, дело говоришь! Подумать надо. А как думаешь, пойдут люди на такие чтения? Я давно об этом думаю.

– Если пользу почувствуют – пойдут, и я приду, – уверенно сказал крестьянин, попрощался с батюшкой и не торопясь пошёл домой, стараясь не смотреть в сторону кабака.

После этого разговора отец Николай укрепился в давнем своём намерении открыть в церкви нечто вроде воскресной школы уже для взрослых: публичные чтения. После долгих проволочек, уговоров и согласований он наконец-то получил разрешение от начальства – как светского, так и церковного – на проведение таких “народных чтений”. А уж когда удалось приобрести “волшебный фонарь” – устройство для демонстрации диапозитивов – цветных картинок – народу стало приходиться очень много. Иногда до 600 человек. Эти картинки были в диковинку, а кино тогда существовало только в воображении двух великих французских изобретателей, братьев Люмьер.

Конечно, в первую очередь там зачитывали “Жития святых”, другие церковные тексты, но звучала и русская классика, и полезные книжки по агрономии. И сидели люди и слуша-

ли слова и святых апостолов, и великих русских писателей, и учёных-агрономов.

Целых пятнадцать лет продолжались в Лацком эти чтения, и пользу принесли людям немалую. А от отца Николая они требовали много времени для подготовки, да и сами чтения отнимали немало сил. Но и радость приносили. Люди после этих чтений менялись. Едва заметно, но менялись в лучшую сторону. И это было главным.

Но были у сельского батюшки и другие интересы.

Ещё в далёкой юности отец Николай мечтал научиться играть на скрипке. Почему на скрипке? Трудно сказать. Может, из-за её малых размеров. Как-то по случаю ему удалось недорого приобрести её. Но скрипка – инструмент особый, не всем даётся. Неумелая рука извлекает из него звуки, подобные тем, что мы слышим по весне по дворам от мартовских котлов. Зато если скрипка попала к человеку талантливому, то её пение завораживает слушателя. Да и инструмент этот, в общем-то, простонародный, начинавший свою карьеру на деревенских праздниках в Европе. Это потом он стал элитным, особенно когда скрипки стали изготавливать великие итальянские мастера Страдивари, Гварнери, Амати. На таких играют сейчас по особым случаям и только выдающиеся музыканты, поскольку они бесценны.

Отец Николай самостоятельно освоил игру на скрипке и, наверное, когда у него было настроение и время, брал её в руки и радовал музыкой своих домочадцев. Ну, может, и не всех. Не все любят скрипку. И не все умеют играть на ней...».

Глава XVI

Священник из Лацкого (продолжение)

«...Поскольку способность к музыке у него была, то, конечно, он вскоре приступил к созданию церковного хора. А работа по подбору людей с подходящими голосами и слухом требует и времени, и терпения. Тем не менее и это удалось

батюшке, запел хор в храме Вознесения во время службы, которая стала более торжественной и красивой.

Иногда смотришь на человека и думаешь – откуда он только силы берёт на всё, и самое главное, почему у него всё получается, какие силы земные и небесные включаются, чтобы помочь ему преодолеть и равнодушие, и лень, и недоброжелательство? А всё это было вокруг отца Николая. Но что здесь сказать? Этот человек жил по Божьим законам и не отступал от них ни в чём. И в этом была его сила. В этом был источник тех успехов, которые он достигал в своём служении! Честность, человеколюбие, доброжелательность, требовательность и доброта – эти качества принесли ему и уважение людей, и любовь близких. Да и власти его оценили. В 1912 году отец Николай Любомудров был избран благочинным Первого округа Мологского уезда, а по случаю 25-летия служения его наградили наперсным крестом, а светская власть – орденом Святой Анны.

Но, конечно, главными были в его жизни не награды и знания, а любовь людей, постоянное служение Господу и прихожанам, которые видели в нём пример и ждали от него и поддержки, и слова доброго, и совета учёного. А иногда и займы у него просили. Всем помогал отец Николай, даже разбушевавшихся пьяных ему приходилось утихомиривать – силой физической Бог его не обделил. Все его знали и тянулись к нему, настоящему пастырю.

Тридцать лет служил отец Николай в одной и той же церкви, поколения людей менялись у него на глазах, мальчишки и девчонки, которые ещё недавно голоногими бегали по тёплым лужам после благодатного летнего дождя, стали взрослыми и венчались у него, у человека, которого знали с малых лет. Это был достаточно спокойный и уютный мир, и люди думали, что так будет всегда. Многие так думали. Но не все. Было в стране немало людей, которые, видя несправедливость и неравенство, бедность и нищету, считали, что надо менять существующую власть. У Николая Морозова, изрядно

постаревшего к тому времени и постепенно отошедшего от активной революционной борьбы, нашлось немало молодых последователей, готовых на всё, даже на акты терроризма. Мы, живя в наше непростое время, тоже хорошо знаем, что такое терроризм.

Вот и в те времена в России произошли нешуточные события. Сначала война с Японией, а затем серьёзные массовые беспорядки в Москве, которые потом назвали первой русской революцией. Затем, когда всё немного утихло, в Киеве террористом был застрелен прямо в оперном театре премьер-министр Столыпин, развернувший в стране экономические и административные реформы.

А в 1914 году началась Первая мировая война. Может, не все знают, но её называли тоже отечественной войной. Как показали последующие события, император Николай II, дав себя втянуть в эту войну, подписал старой России смертный приговор.

В Лацком мужиков заметно поубавилось. Много появилось инвалидов, потерявших на войне кто руку, кто ногу. Многие головы сложили на полях сражений в кровопролитной войне 1914 года.

В ту войну русская армия не пустила врагов вглубь территории страны. Военные действия развернулись в основном вдоль границ, ну и на некоторых участках фронта бои шли уже на территории противника. Победа была не за горами. Но в это время в России произошли сразу две революции – февральская 1917 года, когда царский режим был свергнут, а затем Октябрьская; пришло правительство большевиков, среди которых было немало последователей того самого Николая Морозова, близкого знакомого Николая Любомудрова. Эти два Николая частенько спорили, во многом не соглашаясь, но при этом с уважением относились друг к другу. И у каждого была своя правда.

Старая власть как-то очень легко уступила место новой советской власти. Разбежалась полиция, ушли чиновники из учреждений, позакрывали свои магазины торговцы, стал

разваливаться оплот государства — армия. Люди надеялись, что наконец-то закончится затянувшаяся война, наступит мир, который принесёт России равенство, братство и свободу. Но вместо этого в стране началось сопротивление новой власти, и вспыхнула братоубийственная Гражданская война. Пришла она и в тихое село Лацкое.

Отец Николай, несмотря на прошедшие перемены, продолжал служить в селе Лацком, но обстановка вокруг него накалялась.

Новая власть, состоявшая из своих же, лацких мужиков, с подозрением стала относиться к священнику. В его доме были и обыски, и конфискация продуктов. Звучали и угрозы. Отец Николай, уступив просьбам жены, обратился к архиепископу с просьбой перевести его в другой приход, поскольку жизнь в селе, ставшем ему за 30 лет родным, стала невыносимой. Но ему было отказано в этой просьбе и предписано оставаться на месте, продолжая выполнять своё предназначение.

В Гражданской войне, которая развернулась в России, нет правил, не действуют законы войны, прописанные в различных международных договорах в случае военного конфликта между государствами. Здесь все против всех. А тут ещё в Ярославле и Рыбинске начался белогвардейский мятеж. Эти города были захвачены противниками новой власти, отдельные отряды мятежников были направлены в различные районы губернии. Один из таких отрядов пришёл в Лацкое и угрозами и угрозами вынудил местных, в общем-то, мирных мужиков присоединиться к ним и пойти на станцию “Волга”, чтобы захватить железнодорожный мост.

Многие мужики, бывшие солдаты, присоединились к отряду и ушли из села. Их жёны, сёстры и матери, обеспокоенные за судьбу своих родных, попросили отца Николая отслужить молебен за их здоровье, за то, чтобы они остались живы.

Наверное, отец Николай понимал, что новая власть не простит ему этого, но отказать испуганным и сбитым с толку людям не мог и молебен отслужил. Об этом сразу стало известно, и некоторые советовали священнику срочно по-

кинуть село и укрыться, например, в городе, где бы его в той неразберихе вряд ли кто стал искать. Отец Николай отбросил эту мысль и остался со своей паствой. Через несколько дней отряд красных, направленный для подавления восстания, войдя в Лацкое, быстро восстановил там советскую власть и арестовал зачинщиков "похода на Волгу", который закончился бесславно: повстанцы, пройдя половину пути и попав под дождь, вернулись по своим домам. А отец Николай, как человек, якобы благословивший их на борьбу с советской властью, был расстрелян без суда и следствия. Прямо в своём родном селе.

Он пошёл по следам святых апостолов, многие из которых, храня верность Христу и своей пастве, приняли мученическую смерть. Судьба Николая Любомудрова трагична, но жизнь его прекрасна. Он ушёл вместе с той, исчезнувшей Россией. Но вновь вернулся к нам. В 2000 году Русская православная церковь признала его священномучеником, изучив его праведную, полную заботы о людях и служению Господу жизнь...».

Глава XVII

Колька закончил читать текст книги Ольги Ивановны, протёр уставшие глаза и задумался. Он не ожидал такого конца. За что отца Николая лишили жизни, он так и не понял. Просто за то, что помолился за других? «Ладно, у отца спрошу, когда вернётся», – решил он.

– Дед, а когда мы поплывём по Рыбинскому морю, ты не надумал?

– Скоро обязательно поедем, теперь уж точно. Надо увидеть те места своими глазами. Только отца дождёмся. Мне бы хотелось, чтобы и он там побывал. Да, трагедия... – дед тоже был под впечатлением от прочитанного.

– А Настю возьмём?

– Обязательно. Вам эта поездка нужна даже больше, чем нам. Память о прошлом – наш спасательный круг, не даст уто-

нуть в трудную минуту. Кстати, в тех местах кроме Николая Любомудрова жил, например, граф Мусин-Пушкин. Где-то там у него было имение, мне рассказывали. Знаешь, кто это, нет?

– Нет, не знаю.

– Он был любителем старины, собирал древние рукописи. Однажды, разбирая архивы Спасского монастыря в нашем городе, он нашёл никому до того не известное произведение: «Слово о полку Игореве». Эта рукопись существовала в единственном экземпляре, сколько ни искали, так и не нашли ничего похожего.

– Знаешь, что я думаю, – сказал Колька, – написал её какой-нибудь древний ярославец-монах, положил куда-нибудь да и забыл. Или уехал куда-нибудь. Так она там и пролежала. Поэтому она только в одном экземпляре.

– А что, очень может быть. Вообще-то её должны были переписать много раз. И это загадка!.. Ну, что – звони Насте, пусть готовится к поездке в русскую Атлантиду.

Через неделю вернулся из командировки отец Кольки, похудевший и загорелый, но главное – целый и невредимый. И вскоре их небольшой катер уже разрезал носом воды Рыбинского моря, а на палубе, подставив лица свежему ветру, стояли юные исследователи Коля и Настя. И кто-то из взрослых, глядя на них, может быть, тоже подумал и сказал на ухо другому: «А ведь, может, они не случайно встретились»? Может быть! Пусть их оберегает Господь и помогает святой человек, живший когда-то в этих краях, Николай Любомудров. Помните о нём.

Два дня они бороздили рукотворное море, останавливаясь в приглянувшихся местах, ловили рыбу, готовили уху, собирали разные диковинные камушки и кусочки дерева, отполированные волнами. Уже в первый день попали и на поле, где, по преданию, произошла битва на реке Сити, где русское войско, наспех собранное владимирским князем Юрием, потерпело поражение от татаро-монголов. Много здесь полегло отважных воинов и с той и с другой стороны, но летописи

об этой битве говорят скупно, а настоящих раскопок там и не было. В наших летописях не любили писать о поражениях. Остались лишь легенды, в которых слышен гнев и плач тех, кто здесь потерпел поражение и был погребён в этих местах. Но мест этих пока никто ещё не нашёл. Дядя Слава, владелец катера, что знал, рассказал детям, но он был просто старый моряк, а не историк и даже не краевед.

Просто моряк и рыбак – кормилец и своей семьи, и многих людей в округе. Живи он две тысячи лет назад около Генисаретского озера, может быть, и его призвал бы Христос себе в ученики. Как знать? Все первозванные апостолы были ведь рыбаками. А это – то же самое, что и моряки.

На поле, кроме небольшого памятника, они так ничего и не увидели. Поле как поле. Таких на русской земле не считать. И многие, многие поля рождали не только хлеб, но и былинные героев, победивших в славных битвах, и не только в стародавние времена.

Но три поля в России особо почитали: Куликово поле, Бородинское поле да поле под Прохоровкой, где произошло знаменитое танковое сражение советских войск с гитлеровскими. На этих полях решалась судьба Родины. Ну, а на поле у реки Сити всё только начиналось. Русь, пережив поражение, собиралась в мощный кулак и через двести лет нанесла сокрушительный удар по завоевателям.

Побродив по полю и взяв на память по камушку, Колька и Настя вернулись к своим спутникам.

– Ну, нашёл обломок меча? Нет? Даже наконечника стрелы нет? Эка жалость. Ну, не печальтесь, сюда должны прийти учёные-профессионалы, они поймут, что да как. Вот Настя станет археологом – и всё здесь раскопает и найдёт, – сказал дед, потрепав Кольку по взъерошенным от ветра волосам.

Немного уставшие, все вернулись на катер. После ночёвки в доме у знакомого рыбака, дяди Миши, утром все погрузились на судно и продолжили путешествие.

Для начала заехали на место, где когда-то стоял город Молога. И старый моряк опустил там в воду венок. В память о своей малой Родине. А потом они зашли в посёлок Борок.

Там они заглянули в дом-музей Николая Морозова. Но музей был закрыт, и попасть внутрь им не удалось.

– Ладно, – сказал дед, – не последний день живём, ещё раз приедем.

Из Борка они поехали на машине в село Лацкое, последнюю точку их путешествия, чтобы положить цветы к памяtnому кресту, стоявшему неподалёку от действующей, но сильно обветшавшей церкви, где когда-то служил священномученик. Они зашли и в церковь, поставили свечки, а когда выходили, священник сказал Валентину Николаевичу:

– Когда за отцом Николаем пришли, чтобы арестовать, он служил службу. И когда командир отряда сказал ему: «Вы арестованы, следуйте за нами», он им ответил спокойно с достоинством: «Я ещё не закончил». И командир не посмел прервать службу и увести батюшку.

«Да, – подумал Валентин Николаевич, – отец Николай выбрал мученический путь, путь Христа. Это был тяжёлый выбор, ведь он мог скрыться. Но он остался».

На катер они возвращались немного удручённые тем, что увидели и что почувствовали в церкви, где обычный сельский священник, добрый и умный человек, принял тяжёлый, но светлый венец мученичества.

К ночи того же дня и Настя Речкина, и Колька были уже дома и вспоминали своё удивительное путешествие.

Эпилог

Колька уложил собранные во время похода камушки и деревяшки в свой ящичек, где хранились его сокровища, и, поболтав по телефону с дедом, добрался наконец-то до своей кровати и сразу уснул. Но ненадолго.

Внезапно его разбудил гул двигателя где-то в небе. Он взглянул туда и увидел, как к земле, прямо к копне, где он устроился, но почему-то без отца, приближается тёмно-зелёный самолёт, за которым виднелся сизый дымок. Самолёт подрулил прямо к месту, где сидел и ел бутерброд Колька. Из кабинки вылез лётчик в шлеме и, не обращая внимания на мальчика, стал тушить огонь на обшивке самолёта, которая была вся в дырках от пуль.

– Дядя, вам помочь? – спросил Колька.

– Нет, малыш, сам справлюсь.

Он быстро загасил огонь и стал заливать горючее в бак.

– Хотите бутерброд? – опять спросил Колька. Ему жаль было этого усталого человека с чёрным от копоти лицом.

– Некогда. Надо взлетать, а то к городу приближаются немецкие бомбардировщики. Если я их не отгоню, городу не поздоровится. Одни киртичи останутся, все наши храмы старинные порушат.

– Дядя, но ведь сейчас нет войны.

– Это в вашем времени нет. А у нас сорок первый год. У вас какой год, кстати?

– Две тысячи семнадцатый.

– Скажи-ка, мы победили?

– Да, и Берлин взяли. У меня прадед воевал, ранен был.

– Ну, чудно. Тогда и погибать не страшно. Ладно, полечу за победой.

Он уже залез в кабину и начал нажимать на какие-то кнопки, но отвлекся на секунду и спросил:

– Слушай, я сам-то из села. Не слышал, церковь в Лацком восстановили? Там был замечательный батюшка. Я его помню, хоть и маленький был.

– Нет ещё. Не до конца. Я там был недавно. А отец Николай объявлен священномучеником.

– Это справедливо. Исправляйте то, что сделано неправильно. А ты, как вырастешь – построй общий храм в честь всех воевавших и победивших Гитлера. Пусть будет на века память об этой Победе. Тяжело воевать. Но Бог нам поможет. И наши святые тоже...

Гул двигателя прекратился. Колька открыл глаза, встал и подошёл к окну. Внизу бригада рабочих асфальтировала улицу. У них, видно, был перерыв. Они сидели и жевали бутерброды, запивая чайком.

Начиналось новое мирное утро. Где всё будет хорошо.

Благослови нас всех, Господи!

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава I	7
Глава II	21
Глава III	28
Глава IV	36
Глава V	45
Глава VI	51
Глава VII	57
Глава VIII	61
Глава IX	68
Глава X	70
Глава XI	78
Глава XII	84
Глава XIII	88
Глава XIV	90
Глава XV	94
Глава XVI	97
Глава XVII	101
Эпилог	105

памятный
крест
на месте
убийства
священномученика
Николая
Любомудрова